

18+

Приключения с элементами LitRPG и юмором

И БЕДНЫМ, И БОГАТЫМ

ТОМ 4

ИРИНА ПЛЮТ

Ирина Плют

И бедным, и богатым. Том 4

<https://litres.ru/74395553>

ISBN 9785007109505

Аннотация

Подземный мир оформлен, враги получили по счетам, а Елена Викторовна может заняться обычной работой. По крайней мере, так она думала. Пока «Пантеон» готовится к международному запуску, старые боги вспоминают забытые должности, подчинённые самовольно расширяют владения, а влиятельные партнёры приглашают семью на встречу, от которой нельзя отказаться. В четвёртом томе Бухгалтеру предстоит открыть Серую зону и выяснить, кто ещё считает себя владельцем проекта. Проверка становится международной.

Содержание

Глава 1. Порядок международного класса	5
Глава 2. Нам нужно поговорить	22
Глава 3. Искра предателя	35
Глава 4. Совесть. Уровень первый	60
Глава 5. Совесть с пропиской	82
Глава 6. В пределах разумного	114
Глава 7. Ничего интересного	126
Глава 8. Приём по вопросам перехода	146
Глава 9. Так приказа же не было	169
Конец ознакомительного фрагмента.	181

И бедным, и богатым. Том 4

Ирина Плют

Иллюстратор Codex Sol 5.6

© Ирина Плют, 2026

© Codex Sol 5.6, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-0950-5 (т. 4)

ISBN 978-5-0070-9114-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Порядок международного класса

Проект международного класса мы начали, как и положено приличной компании, с агрессивной рекламы.

«Пантеон» появился в новостях, игровых сообществах и вообще везде, куда можно было дотянуться деньгами. Зарубежным игрокам обещали новые территории, локализацию, отдельные события и возможность принять участие в том, что ещё недавно считалось исключительно внутренним проектом. О некоторых внутренних особенностях проекта реклама предусмотрительно молчала. Не потому, что мы хотели кого-то обмануть. Просто фраза «иногда игра не выпускает, мертвецы разговаривают, а между мирами уже налаживается служебное сообщение» плохо помещалась на баннер и могла немного испортить продажи.

Параллельно Павел собрал расширенное заседание совета директоров, куда пригласили крупнейших акционеров. После скандала с «Вектором» акции просели настолько удачно, что со стороны казалось, будто проект чудом не закрылся. Чудо имело имя, фамилию, деньги, связи и привычку заранее рассчитывать, на каком именно месте у конкурентов начнут дрожать колени.

На самом деле падение было контролируемым, а инфор-

мация выдавалась ровно теми порциями, которые не позволяли рынку успокоиться раньше времени. Павел не собирался топить собственный актив. Он просто дал некоторым людям возможность испугаться, продать лишнее и стать сговорчивее. Иногда для продуктивных переговоров достаточно хорошего отчёта. Иногда требуется плохой. А иногда полезно, чтобы человек сначала мысленно попрощался со штанами, а потом увидел на столе спасение и подписал всё, не задавая лишних вопросов.

Спасением стали предварительные соглашения с зарубежными партнёрами. К заседанию Павел подготовил не обещания, а вполне конкретные бумаги: страны, сроки, доступы, варианты локализации, будущие рекламные площадки и суммы, от которых особенно нервные акционеры начали незаметно выпрямляться в креслах. Те, кто был не в курсе настоящего положения дел компании и вложил просто потому, что проект казался выгодным, восприняли новости почти с восторгом. Всё-таки остаться совладельцем международной игровой платформы было приятнее, чем остаться владельцем воспоминаний о собственных деньгах.

К тому же многие из присутствующих сами играли. Перспективу закрытия проекта они представляли слишком хорошо и думать о ней не хотели. Деньги деньгами, но когда у человека в капсуле имущество, уровни, редкие предметы и персонаж, в которого вложено несколько лет жизни, он начинает относиться к корпоративной стабильности почти как

к личной.

Поэтому условия Павла приняли. Не сразу, конечно. Сначала для приличия поторговались, задали вопросы, попытались изменить несколько пунктов и даже выразили сомнение по поводу темпов расширения. Павел выслушал всех, перелистнул папку и напомнил, насколько именно упали акции после истории с «Вектором». После этого темпы показались разумными, пункты справедливыми, а сомнения потеряли прежнюю убедительность.

Для международного направления создали отдельную проектную юридическую группу. Ставить молодого человека во главе всего юридического отдела компании было бы слишком заметно, а вот передать ему сопровождение специальных договоров, право останавливать сомнительные решения и прямой доступ к Павлу оказалось вполне возможно. Тем более этот молодой человек уже успел показать себя так, что некоторые старые сотрудники предпочитали приносить документы сразу в двух экземплярах и без ошибок.

В официальных бумагах его теперь звали Аркадий Сергеевич Вершинин.

Для семьи и нашей группы он навсегда оставался Аркадием Львовичем. Новое отчество существовало для работы, документов и посторонних людей, которым совершенно не требовалось знать, что их молодой юрист уже имел собственный некролог и многолетний опыт ведения дел, начавшийся задолго до его нынешней даты рождения.

Поначалу всё шло спокойно. Потом Аркадий Сергеевич попросил вернуть один договор на доработку и объяснил причину тем самым вежливым тоном, после которого Аркадий Львович обычно готовил человека либо к подписанию, либо к публичному признанию собственной неправоты. У нескольких сотрудников с большим стажем появилось ощущение дежавю.

Им показалось, что к Морозовым вернулся Воронцов.

Потом они узнали имя нового юриста, и ощущение стало ещё неприятнее. Кто-то предположил, что это сын. Кто-то осторожно заговорил о дальнем родственнике. Самые впечатлительные, видимо, вспомнили все странности последних месяцев и начали склоняться к реинкарнации. Проверили биографию, даты, родственные связи и даже старые фотографии. Ничего не совпало. Аркадий Сергеевич Вершинин не мог быть ни сыном, ни племянником, ни незаконно спрятанным наследником Аркадия Львовича Воронцова.

Особенно сильно не совпадало отчество.

Факты изучили ещё раз, на этот раз пристрастно. Факты проявили стойкость и складываться в удобную версию отказались. В конце концов сотрудники смирились. Негодовать перестали не все, бояться тоже, зато документы начали готовить намного внимательнее.

Наш тыл был защищён.

После зачистки храма Энлиля, которого в этом мире мы

знали как Константина, наше слово приняли около тысячи его последователей. Так на просторах Светлых земель появился «Порядок».

Что именно мы создали, до конца не понимал никто. Если честно, мы с Аркадием тоже. Пантеон ли это, новая ветвь старого культа, самостоятельная организация с божественной лицензией или очередная системная импровизация, выяснить пока не удалось. Однако внутри было твёрдое ощущение, что всё произошло правильно. Не спокойно, не безопасно и даже не особенно законно с точки зрения прежних хозяев этих земель, но правильно.

Те, кто в зале отказался принять новые условия и попытался доказать своё несогласие оружием, живыми не ушли. Зато наша копилка энергии заметно пополнилась. Некоторым взглядам на управление достаточно дать свободу один раз, чтобы их носители самостоятельно перешли из раздела «оппоненты» в раздел «ресурсы».

Его Святейшество по неизвестной причине не вмешался. Возможно, мы пока не казались ему серьёзной угрозой. Возможно, Константина списали со счетов заранее и теперь просто наблюдали, кто подберёт оставшееся имущество. Не исключалось и то, что реакция уже готовилась, только мы её пока не видели. Последний вариант нравился меньше всего.

Молчащий враг вообще хуже того, который брызжет слюной, машет перед носом документами и заранее сообщает, по какой статье собирается тебя уничтожить. Со вторым хо-

тя бы понятно, когда пригнуться и куда направлять юриста. Первый может улыбаться издалека, пока под твоими ногами аккуратно собирают эшафот.

Но раз нас пока не приняли всерьёз, следовало воспользоваться временем и укрепить позиции. Особенно с учётом скорого открытия доступа для других стран. Чем обернётся международный поток игроков в Светлых и Тёмных землях, мы не знали. Зато прекрасно представляли, сколько новых вопросов придётся задавать системе, администрации и тем, кто до сих пор считал этот мир своей личной кладовой.

С другой стороны, я бы многое отдала за возможность посмотреть хотя бы через замочную скважину на лицо Его Святейшества в тот момент, когда представители «Пантеона» вежливо расскажут ему о новых правилах, иностранных пользователях и неизбежном расширении клиентской базы.

Гонцу, который понесёт эти новости, я заранее сочувствовала.

С нашим Гонцом дела обстояли намного лучше.

Наш Гонец вообще-то был мышью: разведчиком, посыльным и отдельным штатным сотрудником. С Мухой-Секретарём его объединяли только небольшой размер, служебная занятость и способность появляться в самый неудобный для нарушителя момент. На этом сходство заканчивалось.

Муха к тому времени уже освоила переходы по нитям и межмировые каналы. Обучение осталось позади, зато обе-

щение передать навык помощникам она помнила прекрасно. Вместе с Анной Валерьевной они решили, что обычному гонцу совершенно незачем зависеть от дверей, расстояния и принадлежности адресата к конкретному миру.

Анна Валерьевна объясняла, как почувствовать энергетическую нить и удержать переход. Муха переводила её объяснения на язык служебных маршрутов, контрольных точек и обязательного подтверждения доставки. Гонец внимательно слушал обеих, шевелил усами и относился к повышению квалификации намного спокойнее, чем некоторые сотрудники относились к обычной проверке.

Через несколько занятий Гонец исчез с одного края стола и появился на другом. Потом научился находить знакомую энергетическую отметку за стеной. А ещё немного позже возник у меня на плече с аккуратно свёрнутой запиской и таким видом, словно всю жизнь именно так и передавал документы.

Умение закрепилось.

Теперь наш Гонец мог идти не только по обычному следу, но и по нити, а при достаточном количестве энергии переходить туда, куда раньше пришлось бы отправлять кого-то крупнее, заметнее и с отдельным распоряжением. Для разведчика размером с мышь это открывало прекрасные перспективы. Для людей, которые надеялись закрыться от нашей почты дверью, перспективы выглядели заметно хуже.

Дебет и Кредит науку пока не освоили. Они честно при-

существовали на занятиях, одинаково серьёзно смотрели на открывающуюся линию и по-прежнему предпочитали пользоваться уже готовым переходом. Работа продолжалась. Муха намеревалась обучить весь свой штат, а Анна Валерьевна не возражала.

Я тоже решила не возражать.

В конце концов, если у нас появился международный проект, межмировая доставка корреспонденции всё равно рано или поздно понадобилась бы.

На фоне подготовки международного бета-теста, нового пантеона и повышения квалификации посыльных существовала ещё одна проблема.

Проблеме внешне было около двенадцати лет.

После последнего скачка Баламут окончательно перестал выглядеть маленьким мальчиком и превратился в почти подростка. Веслава при виде него всё чаще только вздыхала. Не потому, что ей нечего было сказать. Скорее, приличные слова закончились, а остальные не соответствовали её должности и присутствию жриц.

То, что наш заместитель успел устроить в городе, вошло в местную историю как незапланированное игровое событие. Сам Баламут называл его парком развлечений и утверждал, что заботился о досуге населения. Население подтвердило: досуг действительно состоялся. Правда, некоторые участники потом ещё долго вздрагивали при виде шахтных вагоне-

ток, костяных конструкций и весёлых суккубов в роли аниматоров.

Парк появился в центре города практически за ночь. К утру между домами уже стояли ворота из отполированных костей, за ними крутилась карусель с костяными сиденьями, а по проложенным рельсам носились вагонетки. Часть маршрута проходила по земле. Часть исчезала в нарисованных переходах и возникала с другой стороны площади. Где проходил остальной маршрут, Баламут отвечал уклончиво, а пассажиры после возвращения либо требовали второй круг, либо некоторое время молча обнимали ближайший неподвижный предмет.

Развлекательную программу обслуживал штат, который вообще-то должен был заниматься другими делами. Скелетов сняли со стройки, демонов с принудительных работ, а суккубов назначили встречать посетителей, улыбаться и следить, чтобы никто не покинул аттракцион раньше положенного. Вагонетки собирали сотрудники, выдернутые с действующих объектов. Благодаря этому парк открылся вовремя. Несколько нужных нам построек, разумеется, нет.

Особенно тяжело пришлось Ювелиру.

Кстати, Ювелира звали Юра. Иногда Юрий. По имени-отчеству мы его однажды попытались величать, но на вопрос об отчестве он сделал круглые глаза и попросил:

— Только Юра, пожалуйста. На крайний случай Юрий.

Видимо, после собственного ИП у человека остались вос-

поминания, которые лучше было не будить без крайней необходимости.

После закрытия парка он долго уверял, что не виноват, ничего подобного не планировал и вообще просил его спасти. По его словам, Баламут два игровых дня подряд заставлял рисовать механизмы, порталы, переходы и разные штуковины, которым бог давал крайне содержательные технические описания: «чтобы быстро», «чтобы страшно», «чтобы туда, потом сюда» и «вот здесь пусть неожиданно».

Ювелир рисовал.

Частично потому, что отказаться Баламуту было сложно. Частично потому, что некоторые идеи действительно выглядели интересными. А когда Юре становилось интересно, память о возможных последствиях отключалась в пользу творчества. Он проводил последнюю линию, любовался результатом и только потом вспоминал, что его рисунки иногда имеют неприятную привычку становиться настоящими.

Когда последствия всё-таки наступили, Ювелир сидел рядом с папкой собственных работ и выглядел человеком, который только что обнаружил свою подпись под признанием.

— Я не виноват, — сообщил он всем, кто готов был слушать. — Меня заставили.

— Два дня? — уточнил Аркадий Львович.

— Там было страшно, — честно ответил Юра.

— А потом?

Ювелир отвёл глаза.

— Потом стало интересно.

На этом защита начала заметно рассыпаться.

Хуже всего оказалось то, что использованные в парке рисунки составляли только часть подготовленного материала. По приблизительным подсчётам, где-то в городе, филиале, мастерских и, возможно, карманах самого Баламута оставалось около сотни набросков. Каждый мог оказаться обычной картинкой. А мог без предупреждения превратиться в портал, механизм, новый аттракцион или такую причину для чрезвычайного собрания, после которой прежний парк развлечений показался бы репетицией.

Мины замедленного действия выглядели бы надёжнее. У них хотя бы заранее известно назначение.

Баламут, похоже, понял, что воспитательная делегация уже в пути, раньше, чем она появилась на площади. Горожане потом ещё долго вспоминали картину под названием «Баламут играет в салочки с Анной Валерьевной и Великим Секретарём Мух».

Он убегал талантливо.

Сказывались возраст, опыт древнего божества и совершенно искреннее нежелание отвечать за содеянное. Баламут нырял под вагонетки, перепрыгивал через ограждения, прятался среди скелетов и открывал короткие переходы. Скелеты, недавно возвращённые на законные рабочие места, немедленно указывали на него костяными пальцами. Видимо, срыв строительного графика они восприняли близко к

отсутствующим сердцам.

Анна Валерьевна перекрывала нити и появлялась впереди беглеца именно там, где он собирался свернуть. Муха заходила сверху. Каждый раз, когда одна из них успевала дотянуться до Баламута, на нём возникала временная служебная печать:

«НАКАЗАН».

Печать сходила сама, если нарушитель вёл себя прилично, и задерживалась, если он продолжал сопротивляться воспитательному процессу. Баламут продолжал. Воспитательный процесс тоже.

Первые отметки появились на руках и плечах. Потом на спине, шее, щеке и в тех местах, до которых секретари успевали дотянуться на поворотах. К середине дня временных татуировок набралось столько, что любой рецидивист со стажем позавидовал бы не их количеству, а широте фантазии тех, кто выбирал место для очередного слова «НАКАЗАН».

За погоней следил весь город. Дети болели за Баламута. Родители за Анну Валерьевну и Муху. Сотрудники, которых сняли со стройки ради каруселей и вагонеток, предлагали перекрыть переулки и временами сообщали направление движения беглеца. Ювелир пытался не попадаться на глаза никому и при каждом новом крике «держите его» проверял, не относятся ли эти слова к нему.

Если Баламута ловили, ему ставили печать. Если не ловили, погоня продолжалась. Так прошёл почти весь день.

К вечеру наш почти подросток выдохся, город получил бесплатное представление, а два секретаря с чувством выполненного долга ушли заниматься своими обязанностями. Баламут остался посреди площади, покрытый служебными отметками и глубоким недоверием к документообороту.

Наказание ему подбирали с учётом возраста, должности и того факта, что лишить древнего бога карманных денег было невозможно. В результате Баламуту запретили использовать скелетов и демонов не по назначению. Привлекать их к работе теперь разрешалось только по делу и под такую отчётность, что проще было сделать всё собственными руками и никого не просить. Особенно если за выдачу разрешения отвечали два очень злых секретаря.

Кроме того, ему выделили личную охрану.

Не для того, чтобы защищать Баламута. С этим он прекрасно справлялся сам. Охране поручили защищать жителей, сотрудников и строящиеся объекты от новых идей заместителя. Великий Секретарь Мух лично выбрала наиболее ответственных и объяснила задачу так подробно, что бойцы сразу поняли: если в городе появится ещё одна костяная карусель, охранять придётся уже их самих.

Мы с Аркадием Львовичем узнали обо всём после завершения воспитательного мероприятия. Переглянулись, синхронно сглотнули и вспомнили взросление Паши и Даши. У нас за плечами уже был подростковый возраст двух детей, поэтому первой появилась обнадеживающая мысль:

мальчик перерастёт.

Потом общая память услужливо напомнила, что мальчик на самом деле являлся взрослым древним божеством, просто временно находился в теле почти подростка. Формулировка «перерастёт» сразу потеряла убедительность.

Страшно было представить, что произойдёт, когда внешне ему исполнится двадцать один год. Возможная смена полярности миров выглядела не самым невероятным вариантом. Поэтому в воспитательный процесс мы вмешиваться не стали. Веслава, Анна Валерьевна и Муха пока справлялись, город стоял, а погибших, по официальному отчёту, не имелось.

Зато в список первоочередных задач внесли новый пункт: «Найти все рисунки до того, как их применят на практике».

Баламут прочитал распоряжение, невинно улыбнулся и отказался сообщать, где лежат остальные наброски.

Личную охрану ему выделили правильно.

С новым внешним видом пришлось разбираться отдельно.

После смерти Константина «Порядок» то ли из вредности, то ли ради сохранения чьих-то нервов разделил нашу с Аркадием общую боевую форму обратно на два самостоятельных аватара. Внешне нас снова стало двое. Сознание при этом осталось общим, так что самостоятельность получилась

исключительно визуальной.

Теперь оба аватара постоянно окружал золотой свет. Крылья номинально имелись, мы их чувствовали и при необходимости могли использовать, но окружающие почему-то не видели ни одного пера. Возможно, система берегла психику Светлых земель. Возможно, вместе с новым культом у неё внезапно проснулась цензура. Две сияющие золотые фигуры местные ещё могли принять. Двуетельное чёрно-белое существо с крыльями, мечом и косою требовало бы слишком длинного богословского объяснения.

Символом нового пантеона вместо весов временно стало слово «ПОРЯДОК» и две золотые фигуры рядом. Система не стала уточнять, временно ли это решение и можно ли заказать другое. Нам тоже было не до обсуждения фирменного стиля.

Для последователей Константина, принявших новых покровителей, жизнь поначалу почти не изменилась. Храмы остались на месте, поля тоже, только погода внезапно стала вести себя приличнее. Дожди приходили вовремя, солнца хватало, а урожай перестал зависеть от настроения того, кто раньше отвечал за небесное хозяйство.

Тут и выяснилось, что вместе с энергией, храмами и последователями мы унаследовали обязанности Энлиля по управлению погодой.

Инструкцию к наследству не приложили. Память сотрудничать отказывалась, система хранила достойное молчание,

а люди приходили к нам с совершенно понятными просьбами: одним требовался дождь, другим солнце, третьи хотели спасти посевы от заморозков. Отказать всем означало быстро потерять доверие. Исполнять каждую просьбу отдельно означало устроить над Светлыми землями погодный сабантуй.

Пришлось вводить план.

Осадки распределили по потребности, солнечные дни по состоянию полей, сильный ветер допускался только после проверки последствий, а внеплановые заморозки запретили до отдельного распоряжения. Получилась обычная пятилетка, только вместо заводов, тонн чугуна и трудовых подвигов в отчётах значились облака, температура и перевыполнение плана на грядках.

Последователи остались довольны. Урожай рос стабильно, вера поступала ровно, а больше от нас на первом этапе никто ничего не требовал.

Нас это вполне устраивало.

Вера была нужна.

А «Порядок», как выяснилось, лучше всего начинался не с громких речей, а с правильно составленного графика дождей.

Глава 2. Нам нужно поговорить

После того как всё более-менее наладилось, если происходящее с нами вообще можно было назвать этим словом, я вспомнила об одной странности.

Точнее, о существе, которое в нашем реестре до сих пор проходило под рабочим именем Безымянный.

Впервые оно обозначилось ещё в самом начале, когда маленький череп коснулся ниши в старой часовне. Мир окрасился красным, с неба пошёл кровавый дождь, а над всем регионом появилась системная строка:

«Древний бог Безымянный приветствует своих последователей».

Настоящего имени нам не дали. Система ограничилась словом «Безымянный», словно сама не знала, кого только что внесла в ведомость. Тогда мы говорили именно «он»: в строке значился бог, других сведений не имелось, а уточнять род у кровавого дождя было поздновато.

Позже, перед учредительным собранием, мы вызвали на разговор именно Безымянного. На вызов пришла алая девушка без лица — полупрозрачная, собранная из знакомого служебного шрифта и слишком похожая на меня ростом, фигурой и манерой занимать пространство. Она ответила на вопросы, выдала мне браслет и исчезла раньше, чем мы успели выяснить всё остальное.

Она не представилась. Система не вывесила над ней имя, должность и даже привычное предупреждение о последствиях общения. Безликая просто появилась именно тогда, когда мы вызвали Безымянного, и говорила так, словно обращались к ней. Поэтому в реестре мы пока считали её именно им. Формулировка разваливалась по роду, зато рабочая версия держалась: «Безымянный бог — предположительно та самая безликая женщина». Слово «предположительно» я подчеркнула дважды.

Позже, уже под серой зоной, мы нашли фреску. С неё на меня смотрело моё собственное лицо: в руках у женщины были весы, глаза закрывала повязка. Аркадий Львович тогда сказал: «Так это же Фемида». Не Веслава. Не система. Не сама изображённая женщина. Это была наша первая рабочая подпись, появившаяся из-за весов, повязки и неприличного сходства со мной. Безликая из сторожки лица не имела во-все, у женщины на фреске лицо было, и оно оказалось моим. Сходство — не тождество, но в реестр эта версия легла красным.

Потом из красного разрыва появилась огромная служебная рука и вытащила нас из воспоминания на щите сразу после того, как Баламут сумел вырвать оттуда частицу Артемиды. В реестре рука проходила как рука Фемиды. Условно. С вопросительным знаком. Она тоже не представилась и документы, подтверждающие принадлежность к Фемиде, не предъявила.

На этом появления не закончились. Позже, в нашем едином храме, из темноты выступила женщина, которую мы всё так же проводили по реестру как Фемиду с вопросительным знаком. Она выдала новое задание, объяснила часть происходящего и снова исчезла до окончания уточняющих вопросов. Имя вслух она не подтверждала. Веславы при этом разговоре вообще не было, так что сослаться на свидетеля, знавшего древних богов лично, мы тоже не могли.

И была ещё душа Константина. После его смерти из тела поднялся красный фрагмент — не золотой, не светлый, а до неприятного знакомый. Энергия от него почти в точности перекликалась с той, что шла от красных системных сообщений и ошибок, преследовавших нас с самого начала. Фрагмент мы поглотили и очистили. Объяснения, почему душа бывшего Зевса оказалась красной и отзывалась той же энергией, что системные ошибки, система по обыкновению не выдала.

Один красный цвет ещё можно списать на оформление. Второй — на отсутствие фантазии у разработчика. Когда один и тот же красный след начал появляться рядом с божеством без имени, служебной рукой и чужой душой, а на фресках и в храмах стали встречаться похожие женщины, бухгалтер внутри меня потребовал провести сверку.

Тем более теперь, когда у нас появились собственный пантеон, последователи, обязанности по распределению осадков и возможность вести разговор немного увереннее, чем в тот

момент, когда я впервые увидела красную строку.

Чем больше я думала, тем длиннее становился список вопросов.

Была ли безликая женщина действительно Безымянным богом или только пришла вместо него? Изображала ли фреска её, Фемиду или вообще меня в другом облике? Кому принадлежала красная рука? Кто разговаривал с нами в едином храме? Почему энергия души Константина так сильно перекликалась с красными системными сообщениями? Что означали черепа на поясе Безликой? Откуда тот, кто отвечал нам красными строками, знал о переходах, серой зоне и происхождении по другую сторону? И главное: какое отношение всё это имело ко мне, если сходство между нами уже давно перестало выглядеть случайной особенностью художественного оформления?

Вопросы были правильными. Правильные вопросы отличаются от неправильных тем, что со временем не исчезают. Они созревают, становятся тяжелее и однажды начинают мешать работать. В один прекрасный вечер вопрос наконец дозрел.

Я сидела в кабинете одна. На столе лежали отчёты по Светлым землям, ведомость нового пантеона, несколько просьб о погоде и отдельная записка о том, что Баламут опять интересовался судьбой своих рисунков. Последнюю я предусмотрительно отложила подальше. Некоторые проблемы лучше решать по степени опасности, а не по степени на-

стойчивости их автора.

В комнате было тихо. Настолько, что я слышала, как перевернулся лист под собственным весом.

Я закрыла папку и произнесла в пустоту:

— Нам нужно поговорить.

Воздух над столом дрогнул.

Не сильно. Так ведёт себя поверхность воды, если до неё едва дотронулись пальцем. Но я сразу поняла: меня слышали. Более того, возникло неприятное ощущение, что этого обращения ждали. Возможно, давно.

Перед глазами появилась красная надпись:

«Хорошо».

Я перечитала.

Под первой строкой возникла вторая:

«Когда?»

Вот так просто. Несколько лет тот, кого мы считали Безымянным, отвечал только тогда, когда считал нужным, обрывал разговоры на самом интересном месте, раздавал имущество без инструкции и исчезал раньше, чем Юрист успевал сформулировать претензию. А стоило мне самой предложить встречу, как выяснилось, что у божества прекрасная связь, свободный график и готовность согласовать время.

Отвечать сразу я не стала. Такой разговор следовало проводить вместе с Аркадием Львовичем. Не только потому, что в прошлые встречи с красным каналом рядом регулярно начиналось что-нибудь, подозрительно похожее на локальный

апокалипсис. Наше сознание всё чаще работало вдвойне, и всё, что я узнаю, он рано или поздно увидит вместе со мной. Пытаться провести отдельный разговор, а потом пересказывать его человеку, который может при прикосновении заглянуть в мои воспоминания целиком, было бессмысленно. Кроме того, после истории с Ищейкой я больше не собиралась в одиночку проверять, насколько опасным окажется очередное божество.

Во вторую попытку убийства Аркадий вмешался лично. Он вошёл в спальню в реальном мире, увидел там моё тело, которого вообще не должно было быть вне игры, прикоснулся ко мне и вызвал слияние. Вместе с происходящим он получил то воспоминание, которое я до этого предусмотрительно оставила при себе: первую встречу с золотой тенью и выстрел Аббадона.

До той секунды Аркадий Львович считал, что нападение было первым. Оказалось — повторным.

То, что его женщину уже однажды пытались убить, а она решила не тревожить семью такими мелочами, он воспринял тяжело. Гораздо тяжелее, чем если бы просто накричал.

Он вообще не повысил голос. Спокойно уточнил, когда это произошло, почему я пошла одна, почему не сообщила сразу и на каком основании решила, что пакта о неразглашении с разумным щитом достаточно для сокрытия нападения от Юриста и семьи. Каждый вопрос звучал ровно, вежливо и по существу.

Лучше бы кричал.

Когда человек повышает голос, можно обидеться, повысить в ответ, хлопнуть дверью или хотя бы сделать вид, что виноваты оба. Когда Аркадий Львович разговаривает тихо, остаётся только сидеть, слушать и с каждым новым пунктом всё сильнее ощущать, как внутри сжимается собственная совесть.

В тот вечер Юрист ушёл прогуляться. Ненадолго, всего на пару часов. Вернулся домой не совсем трезвым, хотя прежде я за ним такого не замечала. Он не шумел, не жаловался и не продолжил разговор. Просто сел рядом, обнял меня и некоторое время молчал. От этого стало окончательно понятно, насколько сильно я его напугала.

Повторять историю не хотелось. Уж если снова влипнуть в неприятности, то лучше вдвоём. Так хотя бы никто потом не сможет сказать, что я опять тайком отправилась проверять неизвестное божество и не оставила даже записки.

Я связалась с Аркадием из игры. Убедилась, что он находится один в своём кабинете в компании, нащупала знакомую нить и перешла прямо туда.

За рабочим столом сидел Аркадий Сергеевич Вершинин. Пиджак, документы и выражение молодого юриста, которому доверили международное направление. Очков на нём не было: в обычной жизни зрение у него всегда оставалось отменным, а в игре очки появлялись исключительно по настроению, как часть образа. Дверь была закрыта, посетите-

лей не ожидалось, поэтому стоило мне появиться, как Аркадий Сергеевич закончился и на меня посмотрел мой Аркадий Львович.

— Красный канал ответил, — сказала я.

Он отложил ручку, а я рассказала о вопросе, двух надписях и неприятном ощущении, что тот, кого мы считали Безымянным, всё это время ждал, когда мы сами созреем для разговора. Аркадий выслушал, не перебивая.

— Хорошо, — сказал он.

На секунду мне показалось, что красное божество и Юрист пользуются одним справочником коротких ответов.

— Вечером я войду в игру. Поговорим вместе.

Я кивнула. Разговор обещал быть долгим и очень важным. У нас наконец появилась возможность задать вопросы тому, кто, возможно, знал не только правила этого мира, но и причины, по которым мы оказались внутри. Оставалось дожидаться вечера.

Пока мы разбирались с пантеоном «Порядок» в Светлых землях, дома произошло другое историческое событие.

Артемиде наконец проснулась.

До этого она уже ненадолго приходила в себя, но полноценным пробуждением это считать не получалось. Артемиде открыла глаза, поговорила, узнала брата, вспомнила Харона и даже успела увидеть, во что он превратился. Последнее закончилось быстрым возвращением на кровать без сознания.

После открытия Иггдрасиля Артемиды стала золотой змейкой, устроилась у Харона на голове и погрузилась в такой глубокий сон, что окружающие начали воспринимать её как необычный головной убор.

На этот раз пробуждение оказалось полноценным. Золотая змейка зашевелилась на макушке Харона, медленно развернула кольца и потянулась всем длинным телом. Потом сползла ему на плечо, соскользнула на пол и в золотом свете снова стала девушкой. Артемиды сладко потянулась, осмотрелась, увидела Харона и ужаснулась.

Несмотря на полученную энергию, он всё ещё мало напоминал того красивого мужчину, которого она помнила. Рост уменьшился, кости постепенно затягивались кожей, но восстановление шло медленно. Одного уха по-прежнему не хватало, внешний вид сообщал о тяжёлой посмертной жизни, а до прежнего Хароши оставалось столько работы, что даже самые оптимистичные жрицы не называли сроков.

Первый крик услышал весь дом. На второй прибежали те, кто находился во дворе. К третьему возле комнаты собрались жрицы, Веслава, несколько сотрудников и все, кто решил, что началась новая атака. Новая атака действительно началась, только направлена она была на мироздание, несправедливость и неизвестных виновников нынешнего состояния Харона.

— Кто это с тобой сделал?!

Харон открыл рот, но ответить не успел.

Артемиде уже требовала назвать виновных, созвать все доступные инстанции, найти ответственного, предъявить обвинение и немедленно объяснить, почему до сих пор никто не наказан. Она бушевала так искренне, словно несколько тысяч лет сна были не причиной сначала разобраться, а достаточным основанием сразу переходить к апелляции.

Ей попытались объяснить, что Харон во многом виноват сам. Он сам принял решение уйти следом за Аидом, сам забрал запасные ключи, полез в мир, из которого не было нормального выхода, остался здесь, пережил уничтожение прежнего тела и восстанавливался тем способом, который оказался доступен.

Артемиде выслушала и потребовала повторить.

После второго объяснения посмотрела на Харона с выражением женщины, которая только что выяснила: пострадавший не просто оказался в беде, а предварительно подписал согласие, выбрал маршрут и никого не предупредил.

— Сам? — переспросила она, и Харон осторожно кивнул.

Покричать хотелось всё ещё, но круг виновных внезапно сузился до одного человека, на которого кричать было жалко. Артемиде несколько раз открыла рот, так и не выбрала между скандалом и сочувствием, после чего окончательно перешла во второе состояние.

— Да как же так, ты мой хороший...

Она подошла к Харону, осторожно обняла его и начала жалеть с тем же размахом, с каким минуту назад требова-

ла немедленной кары. Кажется, Харон даже повеселел. По крайней мере, спина выпрямилась, а на лице появилось выражение мужчины, который именно таких слов ждал с момента её первого пробуждения. Возможно, ради них он и носил золотую змейку на голове всё это время.

Каким образом у них раньше проходили семейные или хотя бы полусемейные разбирательства, я даже думать не хотела. Судя по увиденному, спокойно там не было никогда.

Есть старый анекдот о том, что женщина может сделать из ничего три вещи: салат, шляпку и скандал. Артемида умудрилась собрать полный комплект. Салат получился из фактов, которые она перемешала до состояния обвинительного заключения. Шляпкой она ещё недавно служила сама, свернувшись золотой змейкой на голове у Харона. Ну а скандал вышел таким, что его слышали в соседних зданиях. Всё в одном флаконе.

Потом кто-то вспомнил, что у Артемиды есть брат. Баламут.

Мы сопоставили способность устроить событие городского масштаба практически из ничего, привычку сначала действовать, потом разбираться и искреннее удивление последствиям. После этого многое стало понятно.

Кажется, это была семейная черта. Оставалось очень искренне и с максимально допустимым количеством сарказма надеяться, что родители этих прекрасных детей пока отсутствуют в нашем мире. Потому что один ребёнок построил

парк развлечений из костей и разбросал около сотни потенциально опасных рисунков. Вторая проснулась после долгого сна и за несколько минут успела поднять на ноги дом, храм и ближайшие окрестности.

Встречаться с людьми, которые воспитали обоих, без подготовки не хотелось.

На всякий случай в хозяйственный список внесли вальс-вальс, успокоительные отвары и всё остальное, что могло пригодиться при внезапном семейном воссоединении древних богов. Запас рассчитывали с избытком: на сотрудников, жителей, самих родителей и тех, кто будет потом восстанавливать имущество.

О произошедшем нам доложили позже. Мы с Аркадием переглянулись, порадовались за Харона и ещё раз мысленно подчеркнули пункт о родителях. Однако разбираться с этой семейной ветвью предстояло не сегодня.

До вечера оставалось несколько часов. Красное «Когда?» никуда не исчезло и теперь выглядело не вопросом, а напоминанием, что по ту сторону канала нас уже ждут.

Глава 3. Искра предателя

К вечеру Форс-Мажор вошёл в игру.

К тому времени я уже успела подтвердить встречу, ещё раз перечитать собственные записи и обнаружить, что от повторного чтения вопросов меньше не становится. Они только лучше распределяются по пунктам.

Мы закрылись в кабинете. Аркадий сел напротив, я положила между нами реестр, и некоторое время мы обсуждали всё, что говорило за предстоящий разговор, а также всё, что настоятельно советовало никогда его не начинать.

В пользу разговора выступали факты.

Красная Безликая появилась в самом начале, когда проснулась деревня. Позже пришла на учредительное собрание, передала браслет, отвечала через служебный канал и вытащила нас из воспоминания на щите. Ни разу не напала. Ни разу не солгала так, чтобы мы сумели это доказать. Несколько раз помогла там, где могла просто промолчать и дожидаться, пока мы сами наступим на очередную мину.

Против разговора выступали те же самые факты, только прочитанные человеком с опытом.

Безликая появлялась тогда, когда считала нужным. Знала больше, чем сообщала. Пользовалась красным служебным каналом, происхождение которого не смогли установить даже администраторы. Её энергия подозрительно переклика-

лась с красным фрагментом души Константина, который мы поглотили после его смерти. И самое неприятное: мы до сих пор не знали, кто именно с нами разговаривает.

За последние месяцы мы встретили богов на любой вкус и степень общественной опасности. Одни выглядели людьми, другие детьми, третьи змеями, четвёртые разумными пред-метами, а некоторые временами напоминали стихийное бед-ствие с семейными проблемами. Все они рано или поздно обзаводились лицом, голосом, привычками и хотя бы рабо-чим именем.

У красной фигуры не было даже лица.

— Итого? — спросил Аркадий.

— Если не спросим сейчас, спросим позже. Только позже неизвестного станет больше.

— Согласен.

Он протянул руку поверх реестра. Я вложила в неё свою, и знакомое ощущение общей линии тут же стало чётче. Мы не сливались полностью, но находились достаточно близко, чтобы в случае неприятностей не тратить время на поиски друг друга.

— Готовы? — спросила я.

— Готовы.

Я посмотрела в пустое пространство кабинета.

— Мы готовы поговорить.

Ответа ждать не пришлось.

Красная линия появилась в воздухе, прорезала простран-

ство сверху вниз и раздвинулась, как служебное окно, которому стало тесно в отведённой строке. Из неё вышел знакомый силуэт.

Именно силуэт.

Не женщина в привычном смысле. Не богиня. Не призрак. Фигура состояла из красного света, системного шрифта и тонких полос, похожих на строки кода, если долго смотреть на них уставшими глазами. Очертания тела были, одежды как отдельного предмета не существовало: красные слои просто складывались в подобие длинного одеяния. Вместо лица оставалась гладкая пустота.

Рядом с Баламутом, Артемидой, Веславой, Хароном и даже демоницей это выглядело особенно странно. У всех имелась форма. Иногда неудобная, временная или собранная из того, что нашлось, но форма.

Перед нами стояло служебное сообщение, которое за чем-то приняло человеческий рост.

— Вы хотели поговорить, — сказала фигура.

Голос тоже был знакомым. Женским лишь условно: без возраста, дыхания и тех мелочей, по которым обычно понимаешь, кто перед тобой.

— Для начала хотелось бы понять, как к вам обращаться, — сказал Аркадий.

Я открыла реестр.

— По нашим ведомостям вы проходите сразу по трём спорным позициям. Безымянный бог. Фемида. И та, кого мы

видели на фреске.

Гладкое лицо повернулось ко мне.

— Называйте меня как хотите. Но ни первое, ни второе, ни третье ко мне не относится.

Я медленно положила ручку.

— Совсем?

— Совсем.

— Тогда начнём с фрески, — предложил Аркадий. — Кто был изображён там?

Фигура подняла руку и указала на него.

— Вы.

Некоторое время в кабинете было тихо.

Я посмотрела на Аркадия. Аркадий посмотрел на меня. Потом оба вспомнили повязку, весы, женское платье и лицо, которое показалось нам моим.

В целом, если отбросить платье, всё сходилось. Весы. Суд. Закон. Умение одним взглядом заставить виновного самостоятельно перечислить нарушения и попросить бланк для признания.

— Форс-Мажор? — уточнила я.

— Он. В том мире ваши формы не совпадали с нынешними. Вы носили мужской образ. Он — женский. К тому времени ваши души уже были связаны, поэтому фреска сохранила общий слепок. Но основой фигуры, которую вы называли Фемидой, был именно он.

Аркадий принял сообщение с достоинством человека, ко-

торому только что объяснили, что в одном из прошлых существований он носил платье заметно лучше моего.

Я решила не развивать тему. Слишком долгое обсуждение прошлых полов, общих лиц и божественной символики грозило головной болью, а у нас имелись вопросы важнее.

— Значит, Фемида — это Аркадий.

— Ваше рабочее имя, — поправила фигура. — В том мире его называли иначе.

— Как?

— Пока это не имеет значения.

— Обожаю такие ответы, — сказала я и сделала в реестре пометку. — Особенно когда они выдаются вместо ответа.

Красные строки на её теле дрогнули. Возможно, это был смешок. Возможно, системная ошибка. С этой собеседницей оба варианта выглядели одинаково.

— Хорошо, — продолжила я. — Фреска — Аркадий. Безымянным богом вы не являетесь. На его вызов пришли вы, но это не одно и то же.

— Верно. Вы открыли канал. Я воспользовалась им.

— Красная рука в воспоминании на щите?

— Я.

— Женщина в едином храме?

— Я.

— Служебные ответы?

— Тоже я.

— Уже лучше. Осталось самое простое. Кто вы?

Фигура замолчала.

Красные линии стали медленнее, будто ответ приходилось собирать из слишком большого количества разрозненных частей.

— Я являюсь искрой предателя.

Стало понятнее ровно настолько, чтобы появилось ещё несколько вопросов.

— Чьей? — спросил Аркадий.

Гладкое лицо повернулось к нему.

— Константина.

Внутри что-то неприятно сжалось.

Я вспомнила золотой зал, тахту, две молнии и голову, отделённую от тела косой. Вспомнила красный фрагмент души, похожий на системную ошибку. Он растворился в нас, очистился, вернул часть силы и оставил после себя слишком много вопросов.

Теперь один из ответов стоял перед нами.

— Разговор будет долгим, — предупредила фигура. — И вам сильно не понравится услышанное.

— Последнее время это обязательная часть любой важной информации, — заметила я. — Продолжайте.

— В этом мире вам не понравится особенно. В том мы уже разговаривали. Выслушали меня и даже дали нечто похожее на прощение.

— Мы?

— Вы оба.

— Я этого не помню.

— И не должны.

— Удобно.

— Да, — спокойно согласилась она. — Но прощения я всё равно не заслуживаю. Мне необходимо объяснить, откуда я появилась. После этого вы сможете решить, хотите ли вообще продолжать со мной общение.

Аркадий чуть сильнее сжал мою руку.

— Рассказывайте по порядку.

— Когда Константин оказался в этом мире, он узнал, кем стал на самом деле. Не Владыкой. Не прежним богом. Даже не Энлилем, которому оставили погоду и несколько храмов, чтобы он не забывал своё место. Он стал рабом Григория Зайцева. Хромого. Того, кого остальные называли Его Святейшеством.

Имя легло в кабинет тяжело.

Григорий Зайцев.

Человек, если его ещё можно было считать человеком, который вырастил Ишейку, держал Константина удавкой и сумел превратить бывших богов в собственный расходный материал.

— Константин долго делал вид, что его положение временное, — продолжила Искра. — Что он ещё вернёт силу, найдёт выход, поднимется и снова станет тем, кем себя помнил. Но время шло. Приказы оставались. Удавка не исчезала. И то, что он тысячелетиями засовывал как можно глубже,

стало подниматься.

— Что именно?

— Стыд. Жалость. Позор. Сомнение. Память о тех, кого он не защитил. О тех, кого предал. О словах, которые следовало оспорить. О приказах, которые не следовало выполнять. О том, кого он послушал и кого сам убедил слушать. Он вспоминал всё, что могло сложиться иначе. Возможно, миры не пришлось бы разрывать. Возможно, никто не оказался бы в рабстве. Возможно, у нас сохранилось бы будущее. Может быть, даже потомство.

Последнее слово она произнесла едва слышно.

— Всё это можно назвать одним словом, — сказала фигура. — Совесть.

Красный свет на мгновение потускнел.

— Раньше Константин прятал её успешно. Образ жизни, который он вёл, с совестью рядом не помещался. Поэтому совесть держали в дальнем углу сознания, запирали, заглушали силой и вытаскивали только в тех случаях, когда нужно было убедить себя, что всё ещё можно исправить. Потом снова убирали, чтобы не мешала.

— А когда он оказался у Григория, убрать не получилось, — сказал Аркадий.

— Не получилось. Чем беспомощнее становился Константин, тем громче я говорила. Я напоминала, что он сам помог построить то, в чём теперь оказался. Что раньше на его месте были другие. Что он видел их страх и считал его слабостью.

Что предупреждения были, но он предпочёл гордыню. Я повторяла это снова и снова.

— Вы уже тогда осознавали себя отдельно?

— Нет. Я была мыслью, которую он ненавидел. Болью, от которой нельзя закрыться. Частью его самого.

Она замолчала.

— Однажды Григорий вызвал Константина к себе. Хромым уже замечал сомнения. Возможно, услышал неосторожную мысль. Возможно, удавка передала больше, чем должна была. Он решил преподать урок.

Красные строки на фигуре сбились, наложились друг на друга и снова выровнялись.

— Я не буду рассказывать, что именно произошло. Не потому, что хочу что-то скрыть. Просто нормальное сознание не должно хранить подобное подробно. Константин выдержал. Бог способен пережить больше человека, и иногда это не преимущество. После он очень долго не приходил в себя. Потом около месяца не выходил из собственного храма. Боялся, что его снова позовут. Боялся думать. Боялся даже перестать думать, потому что тишина тоже могла показаться подозрительной.

В кабинете стало холодно, хотя окна были закрыты.

— Урок сработал, — продолжила Искра. — Инакомыслие должно было исчезать до того, как успеет оформиться. Но я не исчезла. Наоборот. Я стала ещё громче. Мне было стыдно. Мне было страшно. Я жалела его и одновременно нена-

видела за всё, что привело нас туда. Я заставляла помнить. А он больше не мог выдерживать ни Григория снаружи, ни меня внутри.

— И избавился от вас, — сказала я.

— Попытался.

Красная фигура подняла ладонь. На ней на секунду проступила тонкая трещина.

— В порыве гнева Константин вырвал совесть из себя. Не образно. Он действительно отделил ту часть, которая мешала подчиняться. Хотел уничтожить, но сил не хватило. Маленький кусок провалился туда, где для богов проходили каналы мира, а для людей позднее появились серверные, провода и служебные контуры. Я шла по ним, не понимая, что я такое. Терялась между узлами. Иногда слышала голоса. Иногда годами не слышала ничего.

— Поэтому вы выглядите как системное сообщение, — догадалась я.

— Да. У меня не было своей формы. Я училась собирать себя из того, что находила в служебных каналах.

— А красная душа Константина?

— Мы произошли из одной основы. Его оставшийся фрагмент и я сохранили общий след. Но я слишком долго существовала между системными линиями. Поэтому вы чувствовали сходство и одновременно не могли признать нас одним существом.

Наконец-то одна из записей в реестре перестала выглядеть

как случайное совпадение.

— И сколько вы там находились?

— Я не знаю. В каналах время идёт неправильно. До тех пор, пока вы не вернулись.

— Мы снова?

— Вы и Форс-Мажор.

Она указала сначала на меня, потом на Аркадия.

— Когда вы вернулись, ты снова занялась тем, что умела лучше всего: лично подключала сеть миров, поднимала отключённые узлы, проверяла связи и искала ошибки. Форс-Мажор был рядом. Во время одной из проверок вы нашли фрагмент, который не относился ни к одной действующей записи. Могли удалить. Вместо этого вытащили.

Я покосилась на Аркадия. С собственной технической биографией всё было понятно уже давно. Когда-то меня прозвали Аидом не из-за трона, подземного царства и впечатляющей родословной, а из-за должности: Администратор Искусственной Души. По местным меркам — обычный сисадмин: базы данных, серверы, сверки и проблемы, которые почему-то всегда появлялись ближе к концу рабочего дня. После возвращения вся сеть миров, все двери и стыки снова прошли через мои руки. Поэтому моё присутствие в серверной не удивляло. Удивляло другое: Аркадий и тогда был рядом. И неизвестный фрагмент мы решили вытащить вместе.

— Вы знали, чьей частью я являюсь, — продолжила Искра. — Я ничего не скрывала. Мне нечем было скрывать. Па-

мь сохранилась обрывками. Вина сохранилась почти полностью. Я сказала, что была совестью Константина и не смогла его остановить.

— И что сделали мы?

— Остальные хотели меня списать.

Слово прозвучало по-служебному спокойно. От этого стало хуже.

— Я часть предателя. Следовательно, могу предать снова. У меня его память, его след и доступ к тем же каналам. Решение казалось разумным. Оставлять такую ошибку в системе опасно.

— Но мы оставили, — сказал Аркадий.

— Вы двое оказались единственными, кто потребовал отдельного разбирательства. Вы проверили, что именно от Константина во мне осталось. Не нашли жажды власти. Не нашли желания вернуть прежнее. Не нашли ненависти к тем, кого он считал ниже себя. Только память, стыд и страх снова поступить неправильно.

Красное лицо по-прежнему оставалось пустым, но голос дрогнул.

— Вы сказали, что происхождение не является приговором. Что виновность нельзя устанавливать по исходному коду. Что если мне дали возможность выбирать, судить следует по выбору.

Аркадий медленно выдохнул.

— Похоже на нас.

— Да.

— И мы дали вам шанс?

— Дали. Хотя я его не заслуживала.

— Это уже не вам решать, — заметила я.

Фигура чуть склонила голову.

— Возможно, всё могло быть по-другому, если бы я была сильнее ещё внутри него. Если бы кричала громче. Если бы смогла остановить хотя бы один приказ.

— Вы сами сказали, что тогда не осознавали себя отдельно, — напомнил Аркадий.

— Но память об этом не исчезает.

— Память и вина — не одно и то же.

Она ничего не ответила.

— Что сделано, то сделано, — произнесла Искра спустя несколько секунд. — С этим я не могу спорить. Могу только выполнить то, ради чего вы меня сохранили.

— И что именно вы делаете здесь?

— Помогаю вам.

— Это мы заметили. Хотелось бы подробнее.

Красные линии вокруг неё снова дрогнули.

— У меня нет души, похожей на вашу. Нет полноценного божественного ядра. Нет даже настоящей оболочки. После отделения я получила самостоятельность, но не стала живым существом в привычном смысле. Я разрушаюсь.

— Насколько быстро?

— Достаточно медленно, чтобы завершить работу. Недо-

статочно медленно, чтобы увидеть, чем всё закончится.

Я сглотнула.

— Можно это исправить?

— Я не знаю. И не думаю, что следует тратить на это силы. Единственное, что я могу сделать, — помочь вам здесь. Я проникла в этот мир, потому что уже была частью его служебных каналов. Нашла деревню. Нашла сектор. Подготовила точки, которые вы должны были заметить.

— То есть всё началось не случайно.

— Случайности были. Их оказалось много. Но направление было задано.

Я посмотрела на лежащий перед нами реестр. Деревня. Старая часовня. Пустое имя. Груша. Замурованные ниши. Фрески. Щит. Каждый раз мы находили следующий фрагмент будто случайно, но случайности слишком старательно выстраивались в маршрут.

— Это и есть план, который мы придумали в том мире?

— Его часть.

— Расскажите целиком.

— Не могу.

— Почему я не удивлена?

— Потому что вы сами запретили мне рассказывать.

Это уже было обидно.

— Разумеется. Кто ещё способен настолько качественно испортить мне доступ к собственным документам?

— План не должен храниться целиком ни в одной памя-

ти. Ни у меня. Ни у вас. Ни у Форс-Мажора. Даже его существование нельзя осознавать полностью. Каждый следующий фрагмент вспоминается только тогда, когда наступают нужные обстоятельства.

— План с автоматическим открытием разделов, — мрачно сказал Аркадий.

— Да.

— И без возможности ознакомиться с приложениями до подписания.

— Вы настояли именно на этом.

Мы переглянулись.

Ненавидеть прежних себя становилось всё легче. Они явно обладали теми же привычками, только полномочий имели больше.

— Что произойдёт, если вспомнить раньше? — спросила я.

— Григорий увидит направление. Если нарушится хотя бы малая часть, большая не сложится. Поэтому о плане не должен помнить никто. Включая вас. Он вспоминается сам, по мере происходящего. Исправить его заранее невозможно. Отменить теперь тоже.

— Успокаивает.

— Я не пытаюсь вас успокоить.

— Это заметно.

Искра продолжила:

— Я смогла запустить цепь событий, благодаря которой

человеческий мир нашёл дверь сюда. Мы знали, что рано или поздно Григорий обнаружит обмен между мирами. Поймёт, что через него можно вытягивать энергию. Начнёт искать другие двери.

— Вы намеренно показали ему вход?

— Не вход. Возможность. Он должен был поверить, что нашёл её сам.

— И поверил?

— Да.

— Почему тогда не пришёл сразу?

— Пока не может. Ему не хватает прямого доступа. Он ждёт, когда нужные двери откроются самостоятельно, и уверен, что сумеет воспользоваться ими первым. Иногда ищет обходные пути. Иногда отправляет тех, кого не жалко. Но основная линия для него ещё закрыта.

Я вспомнила Ищейку, запах мяты, ладана и эвкалипта. Константина на тахте. Красную нить, к которой мы не решились прикоснуться.

— Значит, всё это приманка.

— Часть приманки. Часть дороги. Часть ловушки. Точные слова вам пока знать нельзя.

— Какая удобная система допуска.

— Вы её создали.

— Перестаньте использовать это как универсальное оправдание.

— Но это правда.

Спорить было сложно. Особенно с существом, которое получило инструкции от моей прежней версии и теперь исполняло их точнее, чем большинство сотрудников выполняли распоряжения нынешней.

— Вы сказали, что исчезнете, — напомнил Аркадий. — Когда?

— Когда закончится запас искры. Или когда план дойдёт до точки, после которой я больше не нужна. Возможно, это произойдёт одновременно.

— И вас это устраивает?

— У меня нет варианта, который должен меня устраивать. У меня нет души. Нет оболочки. Осталась маленькая искра, и она осыпается. Когда погаснет последний фрагмент, я исчезну. План при этом останется. К тому времени изменить его будет уже невозможно.

Красный силуэт стоял перед нами спокойно, будто речь шла о завершении срока служебного контракта, а не о собственной смерти.

— Поэтому можете представлять меня как угодно, — добавила она. — Давать любое имя. Любую форму. Это ничего не изменит.

Мне стало не по себе.

Перед нами находилась часть человека, которого мы убили. Часть предателя, врага и бывшего бога, который стрелял Артемиде в спину и исполнял приказы Хромого. Но одновременно это была не та часть, которая стреляла.

Это была часть, которая всё видела.

Та, которую загоняли глубже каждый раз, когда она пыталась возразить. Та, которую вырвали и выбросили, чтобы стало проще подчиняться. Та, которая после отделения могла вернуться к Константину, к Григорию или хотя бы предупредить их.

Не вернулась.

Вместо этого она нашла нас. Передала инструменты. Вытащила из щита. Провела по маршруту, смысла которого сама не могла раскрыть. И теперь стояла перед нами, честно сообщая, что была частью врага и скоро исчезнет.

— Что вы собираетесь делать дальше? — спросила я.

— Это зависит от вас.

— В каком смысле?

— Вы можете больше не обращаться ко мне. Не вызывать и не разговаривать. Я не стану вас винить. Продолжу выполнять ту часть работы, которая уже запланирована.

— А второй вариант?

— Я продолжу помогать напрямую. Вы будете видеть меня чаще, если моё присутствие не причиняет вам боль.

Она повернула гладкое лицо ко мне.

— Раньше я старалась не входить с вами в контакт без необходимости. Не хотела мешать. Теперь вы знаете правду. Эта правда может вызывать гнев. Боль. Недоверие. Всё это способно повлиять на решения и нарушить то, что должно произойти.

— Вы боитесь, что мы будем видеть в вас Константина.

— Это было бы справедливо.

— Не уверена.

— Я являюсь его частью.

— Уже не только.

Красные линии на её лице на секунду разошлись, словно пустота попыталась сформировать выражение и не смогла.

Я посмотрела на Аркадия.

— Нам нужно время. Хотя бы час, чтобы поговорить вдвоём.

Аркадий положил свободную руку мне на плечо.

— Думаю, для начала нам нужно правильно сформулировать вопрос.

Он обращался ко мне, но смотрел на Искру.

— Представим обычное дело. Есть два брата-близнеца. Первый совершает преступления. Второй знает, видит и слышит, но не участвует. Его держат рядом против воли. Он пытается возражать, но его не слушают. За попытки сопротивления унижают, избивают и запирают ещё глубже. Возможности остановить первого брата у него нет. Сообщить кому-либо — тоже.

Искра не двигалась.

— Первый брат виновен, — продолжил Аркадий. — А второй?

— Он знал, — едва слышно сказала она.

— Знание само по себе не является соучастием. Для со-

участия нужны собственный умысел и собственное содействие: совет, указание, предоставленные средства, устранённое препятствие, заранее обещанное сокрытие. Что из этого сделал второй брат?

— Ничего.

— Он помогал совершать преступления?

— Нет.

— Хотел, чтобы они были совершены?

— Нет.

— Мог действовать по собственной воле?

— Нет.

— Тогда уголовная ответственность первого брата на него не переходит.

Голос Аркадия оставался спокойным. Тем самым голосом, которым он объяснял сложные условия договора человеку, уже приготовившемуся услышать плохое.

— Уголовная ответственность вообще не семейное имущество. По наследству, родству и сходству лиц она не передаётся. Есть принцип вины. Объективное вменение запрещено: каждый отвечает только за собственное действие или бездействие и только при доказанной вине.

Красная фигура дрогнула.

— Но он молчал.

— Молчание тоже не превращается в соучастие автоматически. Нужно установить отдельную обязанность действовать, реальную возможность это сделать и конкретный

состав нарушения. Если человека удерживали, запугивали и лишили возможности управлять своими действиями, суд обязан оценивать принуждение. Нельзя требовать от связанного человека, чтобы он выбил дверь плечом, спас всех и заодно правильно оформил протокол.

Последняя фраза прозвучала почти мягко.

— До отделения вы вообще не были самостоятельным субъектом, — продолжил Аркадий. — Вы были частью чужого сознания. Совесть, запертая в голове преступника, не может подать заявление, вызвать полицию и выступить свидетелем. После отделения у вас появился выбор. Вот с этого момента и следует оценивать ваши поступки.

Он начал перечислять, загибая пальцы:

— Вы не вернулись к Константину. Не сообщили Григорию. Не передали им наш след. Нашли нас. Предупреждали. Давали инструменты. Вытащили из ловушки. Помогли составить план против тех, кому могли служить. Какое из этих действий совершено в пользу Константина?

— Ни одно.

— Значит, в деле о его преступлениях вы не обвиняемая. Максимум свидетель. С учётом того, что вас удерживали внутри него, наказывали вместе с ним и пытались уничтожить за сопротивление, ещё и потерпевшая.

— Я чувствовала всё, что делал он.

— Это не делает его действия вашими.

— Я не смогла его остановить.

— Потерпевший не обязан быть героем, чтобы оставаться потерпевшим.

Красные строки на теле фигуры задрожали сильнее.

— А если второй брат после всего этого раскаивается за первого? — спросила она.

— Суд может принять искреннее раскаяние к сведению, — сказал Аркадий. — Но сначала уточнит, в чём именно его собственная вина. Раскаиваться за чужое преступление можно. Осуждать за него — нельзя.

Он помолчал и добавил:

— Пытка, через которую прошёл второй брат, не является приговором и ничего не искупает. Но она точно не превращает его в соучастника. Она делает его ещё одним человеком, которому первый и тот, кто стоял над первым, причинили вред.

Я посмотрела на Искру.

— Получается, в нашем деле первый брат — Константин.

— Да, — сказал Аркадий.

— А второй?

— Стоит перед нами и почему-то до сих пор пытается занять место на скамье подсудимых, хотя у обвинения нет ни одного эпизода.

Гладкое красное лицо треснуло.

Сначала по нему прошла одна тонкая светлая линия. Затем вторая. Красная повязка, которой на самом деле не было, но которую мы всё это время мысленно дорисовывали

из-за Фемиды, рассыпалась буквами. Весы, угадывавшиеся в служебных символах за спиной, исчезли следом. Длинные красные слои осыпались вниз, не долетая до пола, и растворились в воздухе.

Под ними оказалась девушка.

Молодая, не старше двадцати пяти. Очень светлая кожа. Белые волосы падали почти до пояса, прямые и тяжёлые, словно цвет из них вынули вместе со всем прошлым. В чертах угадывалось что-то от Константина: линия бровей, разрез глаз, слишком правильная форма подбородка. Но там, где у него жила уверенность в праве распоряжаться чужими судьбами, у неё оставалась только испуганная осторожность.

Глаза были ярко-голубыми.

И полными слёз.

Она прижала ладони к лицу, будто впервые обнаружила, что лицо у неё вообще есть, и всхлипнула. Потом ещё раз. Плечи задрожали, дыхание сорвалось, и через несколько секунд девушка уже плакала по-настоящему — не красными строками, не системной помехой, а обычными человеческими слезами.

Я хотела что-то сказать, но Аркадий едва заметно качнул головой.

Иногда человеку нужно дать доплакать до конца. Даже если человеком он стал меньше минуты назад.

Девушка опустила руки. Посмотрела сначала на меня, затем на Аркадия и попыталась улыбнуться.

— Знаете, — произнесла она сквозь слёзы, — когда мы встретились впервые, вы сказали мне то же самое.

Глава 4. Совесть. Уровень первый

Девушка выплакалась.

Именно выплакалась: слёзы закончились, дыхание выровнялось, а красные системные помехи больше не пытались собрать вокруг неё прежнюю безликую оболочку. Она убрала белые волосы с лица и посмотрела на нас чистыми голубыми глазами.

Почему-то сразу вспомнились ещё двое товарищей, у которых голубизна в глазах периодически срабатывала вместе с характером. Баламут при таком взгляде обычно собирался совершить что-нибудь историческое, но без согласования. Артемида — устроить скандал, созвать все доступные инстанции и только потом выяснить, кто виноват.

Я очень надеялась, что третьего представителя этой цветовой категории нам не выдали.

Этих двоих нам уже хватало за глаза. Особенно за голубые.

— Раз уж вы решили остаться с нами, нужно понять, как к вам обращаться, — сказала я. — «Искра предателя» для постоянного использования звучит неудобно. И немного обвинительно.

Девушка кивнула.

— Я могу выбрать имя?

— Желательно такое, на которое вы будете откликаться.

Над её головой немедленно появилось полупрозрачное поле.

Имя:

Пустая строка терпеливо замигала.

Мы с Аркадием переглянулись, но советовать не стали. До сих пор она проходила в наших ведомостях как Искра предателя и Красная Безликая. Оба названия были не именами, а рабочими пометками. Как к ней теперь обращаться, предстояло решить ей самой. Нам оставалось только принять выбор и внести его в реестр.

Долго девушка не думала. В пустой строке появились семь букв.

Совесь.

Хороший ник, хочу сказать. Особенно с учётом нашего штата, который сформировался где-то посередине между бухгалтерией, стихийным бедствием и форс-мажором.

Для конкурентов появление Совести даже могло показаться добрым знаком. Мол, теперь в этой организации их хотя бы кто-нибудь пожалеет, простит и предложит разойтись миром.

Спешу разочаровать.

То, что случилось дальше, давало все основания на время выставить Совесь за дверь и передать сострадание другой ведомости.

Девушка ещё раз посмотрела на выбранное имя, словно проверяла, действительно ли оно принадлежит ей. Затем на-

жала кнопку:

Принять

Поле исчезло. Вместо него над белой головой развернулась короткая системная карточка:

Совесть

Уровень: 1

Статус: игрок

Мы с Аркадием замолчали, посмотрели друг на друга, а после так же молча уставились на Совесть.

Вопрос был безмолвным, но очень хорошо сформулированным:

Как это — игрок?

По всем прежним ведомостям наша гостья проходила кем угодно: божественным фрагментом, служебной ошибкой, красной Безликой, самостоятельной частью чужой совести и существом без полноценного ядра. Но игроком она не являлась. Ей полагалось быть NPC — неигровым персонажем, если пользоваться принятой терминологией. Причём настолько неигровым, что раньше у неё даже лица не было.

Совесть посмотрела на карточку, затем на нас и слегка пожала плечами.

— Понимаете, чтобы свести два мира и правильно направить события, нужно находиться и там, и здесь.

— Нет, — сказал Аркадий. — Пока не понимаем. Объяснитесь.

Он произнёс это спокойно. Совесть немедленно выпрями-

лась, хотя ещё минуту назад плакала, а официально существовала под выбранным именем меньше тридцати секунд.

Форс-Мажор умел добиваться признательных показаний одним тоном. Я помогла взглядом.

Бить девушку мы, разумеется, не собирались. Но в четыре глаза смотрели так, что возможность побоев вполне могла рассматриваться ею как следующий пункт программы.

— У меня есть тело в человеческом мире, — призналась Совесть.

Мы продолжили смотреть.

— Настоящее, — уточнила она. — Физическое.

Смотреть стало интереснее.

— И где находится это настоящее физическое тело? — спросила я.

— В вашем городе.

На этом месте стало окончательно ясно: нас нагрели. Весело, задорно и с полным соблюдением процедуры.

В прошлом разговоре Совесть утверждала, что у неё нет настоящей оболочки. Теперь выяснилось: речь шла только об игровом мире. Человеческое тело и двадцать восемь лет его жизни она тогда аккуратно вынесла за скобки. В обычном мире Совесть жила с рождения. Здесь же до сегодняшнего дня оставалась красной служебной сущностью без собственного лица и нормальной игровой формы.

Формально не соврала.

Аркадий оценил точность формулировки. По выражению

его лица — высоко, но без удовольствия.

С оболочкой разобрались. С тем, как живое человеческое тело сочеталось с её словами об отсутствии полноценной души, ещё предстояло. Пока мы знали только, что собственно-божественного ядра, похожего на наше, у Совести не было.

Потом мы вспомнили, кто именно готовил процедуру.

Мы сами.

По крайней мере, так утверждали некоторые доступные свидетели, которым прежние мы предусмотрительно запретили раскрывать весь план сразу. Получалось, что претензию можно было предъявить только себе, но адресат претензии ничего не помнил и потому принимать её отказывался.

С юридической точки зрения ситуация обещала быть увлекательной. С бухгалтерской — безнадёжной. Нельзя взыскать ущерб с прошлой версии себя, если она не оставила ни подписи, ни адреса, ни отдельного расчётного счёта.

— Сколько вам лет? — спросил Аркадий.

— Двадцать восемь.

Я снова осмотрела девушку. Здесь она выглядела моложе, где-то между двадцатью и двадцатью пятью. Видимо, при первом нормальном появлении система собирала форму из того, что имелось, а имелось у Совести не так много.

— Как давно вы живёте в нашем мире?

— Я там родилась. Как и вы. У меня было детство, школа, взросление. Всё было. А потом пришли странные сны.

Последняя фраза прозвучала подозрительно.

Совесть села ровнее и начала объяснять.

Человеческая жизнь Совести действительно началась с рождения, задолго до запуска «Пантеона». Никакого пробуждения в готовом теле и внезапного подселения она не помнила. Росла как обычный человек и долгое время обычным человеком себя и считала.

Полной прежней памяти при ней не оставили — то ли не смогли, то ли специально решили не рисковать. Позже появились отдельные ощущения, несколько навязчивых мыслей и уверенность, что некоторые сны являются не снами, а маршрутами.

Поначалу она считала всё это обычным интересом к странному. Потом добралась до литературы об осознанных сновидениях, Кастанеды и людей, которые воспринимали прогулки по снам намного серьёзнее, чем окружающие воспринимали их самих.

— Хакеры сновидений, — сказала она.

Мы с Аркадием одновременно подобрались: название было знакомым.

Раньше Даша уже рассказывала про это сообщество. Осознанными сновидениями она интересовалась и до появления игры: собирала материал для роли, натыкалась на старые форумы и дважды встречалась с хакерами-сновидений лично. Тогда это ещё не было серьёзным исследованием. Просто одна из странных тем, которые актриса складывает в ту мыс-

ленную папку, где однажды может найтись подходящий образ.

Хакеры уверяли, что по снам можно ходить как по настоящим местам, а оттуда иногда удаётся выносить предметы, свойства и некие «подарки». Из подтверждённых подарков сообщество могло предъявить в основном сомнительную репутацию и несколько диагнозов. Даша выслушала, записала и отложила материал.

Копать всерьёз она начала позже — после того, как выяснилось, что мама не просто не вышла из игры, а действительно осталась в другом мире. Тогда Даша подняла литературу от нейрофизиологии до текстов, у которых вместо выходных данных можно было ставить проклятие, вернулась на старые форумы и нашла тех, кто ещё отвечал на сообщения. Саму историю она там, разумеется, не рассказывала. После истории с матерью отмахиваться от невозможного было уже поздно, а сообщать о невозможном неизвестно кому — всё ещё рано.

— Даша встречалась и с вами? — спросила я.

Совесть кивнула.

— Дважды. Ещё до игры, когда она собирала материал для роли. Тогда ни она, ни я не понимали, насколько серьёзным окажется это увлечение. Я к тому же ещё не знала, кто я на самом деле. Позже она нашла меня через старый форум и попросила встретиться лично.

— И рассказала обо мне?

— Нет. О вас она не сказала ни слова. Спросила, возможно ли чисто гипотетически попасть в тот мир после смерти и остаться там навсегда.

— Чисто гипотетически, — повторила я.

— Именно так она и сказала. Вопросы были очень точными, но нарочно завуалированными. Во-первых, даже сама возможность звучала как нонсенс. Во-вторых, Даша не знала, кто следит за форумом и за теми, кто на нём остался. Она боялась, что, если расскажет правду, вас просто удалят. Или удалят весь след, по которому ещё можно было до вас добраться.

— А вы не поняли, о ком она спрашивает?

— Поняла. К тому времени я уже знала, кто я, и мы с вами успели не раз пообщаться через служебный канал. Я сразу поняла, что речь идёт о вас. Но Даша не знала, что я поняла, а я не собиралась выдавать ни её, ни вас.

— И что вы ей ответили?

— Так же, как ответила бы любому участнику того форума. Скорее всего, нет.

— И всё?

— Я сказала, что само сообщество существует с начала девяностых, но вопросы, которыми оно занималось, намного старше. Ещё в конце шестидесятых и в семидесятых, после книг Кастанеды, Монро и других авторов, люди спорили, можно ли выйти из тела, попасть в иную реальность и остаться там. Позже появились слухи, будто оттуда можно

что-то вынести, а иногда даже кого-то вытащить. Но слухи оставались слухами. Подтверждённых фактов не было, способов никто не показывал, условия тоже не называл. Я ответила только то, что знало само сообщество и что мне было разрешено говорить в общих чертах.

— То есть эти идеи появились не у вас?

— Меня тогда ещё на свете не было. Я унаследовала старые вопросы, а не придумала их.

— А остальное?

— Рассказать, что ещё до появления проекта система заставила меня через сны нащупывать и прокладывать связь с этим миром, я не могла. Если бы я не начала эту работу, мост, на котором позднее собрали «Пантеон», просто не появился бы. До определённого момента эта часть была закрыта.

— Закрывать нужную информацию система умеет, — пробормотала я.

То, что Даша не узнала в красной Безликой прежнюю собеседницу, удивления не вызывало. Узнавать там было нечего. Лица не имелось, голос проходил через служебный канал, а нынешняя беловолосая форма появилась только сегодня.

— Значит, вы встречались с моей дочерью ещё до запуска игры.

— Встречались. Но «знала» — слишком громкое слово. Я тогда сама не знала, кто я и почему знаю некоторые вещи. Обе встречи с Дашей пришлись именно на этот ранний

период — до украденной идеи, появления чужаков и возвращения памяти.

Сначала Совесть просто читала и пробовала чужие техники. Потом начала вспоминать обрывки. За обрывками пришло понимание, что отдельные маршруты действительно можно открыть. Один из них вывел её в Светлые земли.

Поначалу Совесть появлялась там одна. Ходила, осматривалась, проверяла, можно ли вернуться в то же место, и пыталась понять, способна ли хоть как-то воздействовать на увиденное.

Когда ей было около двадцати, она оставила на закрытом форуме осторожный пост. Не готовый проект, не схемы и не расчёты. Всего лишь гипотетический вопрос: если человек может несколько раз попасть в одно и то же место во сне, нельзя ли превратить случайный переход в управляемый? И что произойдёт, если попробовать воздействовать на тот мир с этой стороны?

Странствия по иным мирам Совесть не изобретала. Новыми оказались повторяемый маршрут, конкретное место и мысль о том, что к нему можно построить устойчивую связь.

Ответы были разными. В основном такими, после которых человек либо закрывает тему, либо начинает ставить себе диагноз.

Совесть выбрала второй вариант.

— Я решила, что у меня шизофрения, — призналась она.
— Диагноз поставила себе сама. Без врача, обследований и

малейшего желания кому-нибудь о нём рассказывать.

Шутка прозвучала сухо. Страшно ей, судя по лицу, было по-настоящему.

Но пост прочитали не только те, кто отвечал.

Через некоторое время в Светлых землях появились другие люди: сначала один, затем ещё несколько. Они осматривались, что-то отмечали и явно пытались возвращаться тем же путём. Совесть никого из них туда не приводила.

— Тогда я поняла, что идею у меня увели, — сказала она. — А ещё поняла, что за форумом наблюдают намного внимательнее, чем изображают.

Почти одновременно начали возвращаться новые обрывки памяти. Их хватило, чтобы Совесть вспомнила, кто она и зачем искала дорогу. После этого она оставила последний пост по опасной теме, больше публично к переходам и воздействию не возвращалась и тихо ушла из Светлых земель в скрытый сектор. На форуме Совесть осталась, но общалась только на отвлечённые темы и не заходила глубже безопасной поверхности.

Дальше идея жила уже без неё. Её подхватили исследователи, инженеры, люди с деньгами и те, кто умел превращать чужой гипотетический вопрос в собственный коммерческий проект. Совесть не рассылала им подсказки, не поправляла расчёты и не подталкивала остановившихся. «Пантеон» начал жить своей жизнью.

Теперь становилось окончательно понятно, почему Даша

так тщательно прятала настоящий смысл своих вопросов. За старыми форумами следили все, кому дорога в другой мир могла принести знания, власть или деньги.

— В том числе люди Григория, — добавила Совесть.

Когда «Пантеон» вышел и заранее проложенная Совестью связь сработала, сомнения закончились. То, что прежде можно было списать на особенно последовательный сон, начало подтверждаться уже снаружи, в обычном мире. Фактов становилось всё больше, и каждый следующий одновременно успокаивал и пугал сильнее предыдущего.

— Тогда я окончательно убедилась, что поставленный мною диагноз к действительности отношения не имеет, — сказала она. — К выходу игры я уже понимала, кто я, и готовилась к чему-то очень важному. Всей схемы не помнила, но шаг за шагом подводила события к нужной точке, чтобы закрытая дверь памяти наконец открылась.

— И она открылась?

— Да. Не настужь. Мне вернули ровно столько, сколько требовалось для следующего шага. Но я всё равно была благодарна всем силам, которые закрыли эту память от меня ещё при рождении. Если бы я с детства рассказывала взрослым всё, что теперь знаю, меня запихнули бы в дурдом чуть ли не с рождения.

— То есть игру придумали вы? — спросила я.

— Нет. Я только задала вопрос. Идею забрали те, кто следил за форумом. Я не собирала капсулы, не писала програм-

му и не руководила проектом.

— А сама идея?

Совість виновато посмотрела на нас.

— Идея была вашей. Той, прежней. Я только донесла её сюда.

Замкнутый круг получался всё красивее. В прежнем мире мы придумали план, содержание которого теперь не помнили. Подобрали отделённую предателем совесть, сохранили её. После этого она родилась среди людей, прожила человеческую жизнь с самого начала, а затем через неё на людском форуме появился вопрос, из которого чужими руками выросла игра, с помощью которой мы однажды сюда и вернулись.

Где-то рядом в эту схему настойчиво просилась Судьба.

Мы решили её не звать.

Одной Совести пока хватало.

— Хорошо, — сказал Аркадий после короткой паузы. — В человеческом мире вы живёте в нашем городе. В этот мир входите как?

— Через осознанный сон. Без капсулы. Раньше я могла проходить только по служебным каналам и появляться там, где позволял план. Теперь система зарегистрировала меня официально. Я смогу заходить как игрок.

— А выходить?

— Смогу.

— Проверим отдельно, — постановил он.

Я согласно кивнула. На доверии строятся хорошие отношения, но первый самостоятельный выход после смены статуса при рассыпающемся ядре лучше всё-таки проводить под наблюдением.

О проблеме с ядром Совести мы пока решили никому не рассказывать. Не потому, что собирались её скрывать вечно. Просто сами ещё не понимали, можно ли остановить разрушение, чем его лечить и что вообще считать нормой для существа, которое одновременно являлось человеком, игроком и отделённой частью совести уже убитого бога.

Сначала требовалось разобраться.

А пока Совесть следовало держать рядом и дать ей человека, который присмотрит, объяснит основы и не позволит персонажу первого уровня забрести туда, где вопросы о бессмертии решаются опытным путём.

Свободный человек у нас имелся.

Относительно свободный.

Павел в последнее время постоянно оказывался рядом с Дашей и Стасом. Они были счастливы, заняты друг другом и периодически использовали старшего брата как человека с надёжными ушами. То Даша приходила что-нибудь обсудить, то Стас уточнял, как лучше не разозлить Дашу, то оба одновременно рассказывали Павлу одну и ту же историю с разных сторон.

Павел не грустил. По крайней мере, официально. Но свободные уши у него действительно были.

Мы вызвали сына в кабинет.

Он пришёл через несколько минут, посмотрел на меня, на Аркадия, на незнакомую беловолосую девушку и сразу понял, что прежний состав их разведывательной группы только что изменился. Жизненный опыт подсказывал ему правильные выводы быстрее системы.

— Мам, — осторожно начал он, — мы же хотели ненадолго и втроём.

— Теперь пойдёте вчетвером.

Павел посмотрел на Совесть.

Совесть посмотрела на Павла.

— Знакомься. Совесть. Первый уровень.

— Чья? — уточнил сын.

— Пока общая.

Аркадий кашлянул в кулак. Кажется, это был смех, который не прошёл служебный контроль.

Мы изложили Павлу сокращённую версию, которую позднее получают и остальные наши. Совесть была тем самым красным божеством, которое с самого начала выходило к нам через системные сообщения. Точнее, тем, кого мы по незнанию считали божеством. Когда-то она являлась частью Константина — той самой совестью, которую он в буквальном смысле вырвал из себя, потому что жить с ней оказалось неудобно. Фрагмент затерялся в служебных каналах, а наши прежние версии нашли его, сохранили и поставили помогать нам нынешним.

Наших подобные сведения уже не удивляли. О богах прежнего мира и о том, кем нас с Аркадием считает система, им рассказывали достаточно. Ещё один оставленный прежними нами сотрудник вполне укладывался в общую картину. Особенно если не пытаться сложить её целиком.

У Совести имелось настоящее физическое тело в обычном мире, часть памяти была утрачена, а после выбора имени система наконец выдала ей официальный статус игрока и обычную игровую оболочку. Смена статуса означала именно то, что было написано в карточке: теперь Совесть являлась обычным игроком первого уровня. Никакого божественного статуса и никаких божественных сил в этом мире у неё сейчас не было. Зато имелось другое преимущество: для перехода Совести не требовалась капсула. Она могла просто уснуть и войти в игру через управляемый сон. Костыли в виде дорогостоящего оборудования ей были не нужны.

Кроме того, она стояла у истоков связи, на которой позднее выросла технология, считалась перспективным вложением в будущее группы и нуждалась в спокойной прокачке под присмотром надёжных людей.

Умолчали только о рассыпающемся ядре и той части старого плана, которую мы сами всё равно не помнили. Не сохранили. Просто выдали допуск ровно в том объёме, который требовался для выполнения задачи.

Я училась у лучших.

У себя.

Павел выслушал, вздохнул и кивнул. Он давно понял главное правило нашей семьи: если мать представляет нового человека словами «первый уровень», спорить поздно. Нужно проверять экипировку, запас лечения и ближайшее место, где этот уровень можно безопасно перестать считать первым.

Оставалось выбрать класс.

Система развернула перед Совестью список. Она читала долго, возвращалась к началу, сравнивала описания и наконец посмотрела на Павла.

— А у вас какой класс?

Вопрос прозвучал слишком невинно для женщины, которая встречалась с Дашей ещё до запуска «Пантеона», позднее общалась с ней во время расследования, невольно дала толчок появлению самой игры и знала о нашей группе заметно больше, чем должна была показывать. Мы это заметили, но разоблачать её не стали. Раз уж пока всем выдавали сокращённые версии, пусть делает вид, что тоже получила свою.

— Смертный заступник, — ответил Павел. — По функции танк. Держу на себе то, что остальные не успели убить.

Совість задумалась.

Сначала хотела взять поддержку. С танком поддержка сочеталась хорошо, но поддержка у нас уже имелаась в лице Даши, которая могла голосом укрепить своих, ослабить чужих и довести особенно впечатлительного противника до раскаяния без участия Совести.

Потом девушка посмотрела в сторону некромантии.

Тут пришлось напомнить, что некромант в семье тоже есть. Правда, этот некромант регулярно отсутствует, занимается государственными делами, Нижним миром, документами, войнами, погодой и всем, что остальные успели положить на её стол.

Свободное место нашлось рядом.

Маг тьмы.

Не некромант и не плакальщица. Отдельная ветка: управление тьмой, ослабления, проклятия, порча, связывание противников и всё то, после чего враг ещё жив, но уже начинает подозревать, что зря пришёл.

Класс решал не только вопрос Совести. Он закрывал дыру в составе Павла, Даши и Стаса.

Наши с Форс-Мажором уровни росли заметно быстрее, чем у детей. Божественные задания, чужие души, наследства, филиалы и прочие неприятности с повышенной доходностью исправно тянули нас вверх. Если группа постоянно будет полагаться на нас, однажды получится, что мама с юристом уже разбирают очередного бога, а дети всё ещё ждут взрослых, чтобы сходить в подземелье.

Так дело не пойдёт.

Павел держал удар. Даша усиливала своих и ломала настрой чужим. Стас находил неприятности раньше, чем неприятности находили остальных. Совесть должна была добавить тёмную магию, контроль и проклятия — то, что в их

походах обычно приходилось закрывать нам с Аркадием.

Разумеется, один маг первого уровня не являлся полноценной заменой двум сильно перекачанным родственникам. Но для этого её и отдавали в группу: чтобы Совесть росла вместе с ними, а они учились справляться своим составом и не ждали, когда мама освободится от очередного конца света.

В перспективе Совесть собиралась наводить такую порчу, чтобы особенно неприятных личностей выносило с одного удара.

На первом уровне перспектива выглядела несколько скромнее. Пока она могла рассчитывать разве что испортить противнику настроение и очень убедительно затемнить угол.

Но техническое задание системе выдали.

Совесть выбрала класс.

Выбран класс:

Маг тьмы

Карточка над её головой обновилась:

Совесть

Уровень: 1

Класс: маг тьмы

Статус: игрок

— Подходит, — решил Павел.

— Вот и прекрасно, — сказала я. — Заодно решён вопрос с вашей разведкой.

Сын насторожился.

— Какой именно вопрос?

— Идти можете. Маршрут и сроки сообщите перед выходом. Связь держать постоянно. Совесть берёте с собой, одну не оставляете, в сомнительные места первой не отправляете и вообще возвращаете в том же составе, в котором уходили.

По лицу Павла было видно, что к разрешению только что добавили приложение мелким шрифтом. Причём приложение имело первый уровень, белые волосы и пока не умело толком пользоваться выбранным классом.

— Хорошо, — сказал он.

Правильный у меня сын. Быстро понимает, где обсуждение уже закончилось.

Совесть поднялась. Перед выходом задержалась и напомнила, что в обычном мире её физическое тело действительно существует и сейчас находится в городе. Капсулы рядом с ним не было и не требовалось: Совесть входила через управляемый сон. Теперь, после официальной регистрации, переход должен был стать устойчивее, а интерфейс — наконец перестать относиться к ней как к служебной ошибке.

Мы договорились встретиться лично через несколько дней на нейтральной территории. До встречи Волков проверит документы, адрес и всё, что можно проверить без объявления розыска по городу. Совесть против проверки не возражала. После разговора с Аркадием её вообще заметно успокаивали правильно оформленные процедуры.

Павел открыл дверь и пропустил девушку вперёд.

Совесьть уже шагнула к выходу, но на пороге остановилась.
— А, я забыла сказать. Безымянный — это ты.

Она посмотрела на меня, затем перевела взгляд на Аркадия.

— Точнее, вы.

И вышла прежде, чем мы успели правильно сформулировать хотя бы один вопрос.

Так Совесьть покинула наш кабинет, оставив после себя новое дело без номера, объяснений и ответственного исполнителя.

К нашей радости и к будущему несчастью наших врагов.

В штате наконец появилась Совесьть. Мы отдали её в постоянную группу Павла, Даши и Стаса, возложили на смертного заступника персональную ответственность за новичка, выдали класс мага тьмы и отправили всех четверых готовиться к разведке.

На милосердие конкурентам рассчитывать больше не стоило.

Совесьть была занята.

Мы, судя по всему, тоже.

A woman with long, straight white hair stands in a dimly lit, ornate room. She is wearing a long, flowing, deep red dress with a high collar and long sleeves. She is looking off to the side with a slight smile. The room features dark wood paneling, a large window on the left showing a cityscape at night, a brown leather tufted armchair, and a bookshelf filled with books and decorative objects. A small, glowing light fixture is visible on the wall behind her.

СОВЕСТЬ

УРОВЕНЬ: 1

СТАТУС: ИГРОК

Глава 5. Совесть с пропиской

Реальная неделя прошла незаметно.

В нашем случае это означало, что в одном мире успели смениться семь дней, а в другом — двадцать восемь. За такой срок можно было собрать сведения о человеке, переселить половину семьи, прокачать нового игрока и принять несколько решений, о которых потом обязательно пожалеешь.

Мы успели всё.

К концу недели Волков положил перед нами папку. Не слишком толстую, что уже радовало. Толстые папки в последнее время обычно означали, что внутри скрывается либо международный заговор, либо новый сотрудник с такой биографией, после которой международный заговор начинал выглядеть мелкой бытовой неприятностью.

На обложке стояло имя:

Лилия Алексеевна Лебедева.

Двадцать восемь лет.

Для своих — Лиля.

В игре — Совесть.

Я открыла папку. Сверху лежала фотография девушки, которая почти не отличалась от своего игрового образа. Те же тонкие черты, большие голубые глаза и очень светлые волосы. Разве что в жизни волосы не светились, а сама Лилия

выглядела ещё более хрупкой, чем собранная системой форма.

Она была худой не по моде и не из принципа. Просто организм годами не мог решить, собирается ли он жить спокойно или продолжит проверять хозяйку на прочность. Лилия часто простывала, тяжело переносила обычные болезни и периодически выдавала врачам симптомы, которые не складывались ни в один приличный диагноз. Её обследовали, лечили, отправляли к другим специалистам, снова обследовали и в конце концов рекомендовали беречь себя.

Совет был прекрасный.

Особенно если не уточнять, от чего именно.

Теперь мы с Аркадием подозревали причину. Рассыпающееся ядро и неполная душа вполне могли отражаться на физическом теле через границу миров. Но подозрение оставалось только нашим. Ни Даше, ни Павлу, ни Стасу о состоянии искры мы не рассказывали, а в медицинской карте Лилии раздела «частично отделённая совесть убитого бога» предусмотрено не было.

Родилась она в нашем городе. Здесь же окончила школу, поступила в университет и получила образование в области графического дизайна. Работала преимущественно из дома: рисовала иллюстрации, собирала рекламные макеты, оформляла сайты и иногда бралась за обложки. Клиенты отзывались о ней хорошо. Сроки она соблюдала, чужие идеи не присваивала, предоплату не теряла и даже отвечала на со-

общения.

По нынешним временам почти святая.

С друзьями складывалось хуже. Не потому, что Лилия была неприятной или нелюдистой. Просто постоянные болезни плохо сочетались с активной жизнью. Сегодня ты договариваешься куда-нибудь пойти, завтра лежишь с температурой, послезавтра объясняешь, что не избегаешь людей намеренно, а ещё через неделю тебя уже перестают звать.

Странные сны привели её на форум хакеров-сновидений, и какое-то время он оставался почти всей её жизнью. Там не требовалось выходить из дома, улыбаться через слабость и объяснять, почему ты снова заболела. Позже сны превратились в Светлые земли, служебные каналы и работу, смысла которой она не помнила целиком. Система стала тем двигателем, который заставлял Лилию вставать, искать следующий шаг и верить, что её существование для чего-то нужно.

Нарушений закона за ней не числилось. В сомнительных финансовых схемах не участвовала. Связей с конкурентами не имела. С людьми Григория, насколько удалось установить, напрямую не пересекалась. Отзывы бывших однокурсников, клиентов, соседей и знакомых по форуму складывались в образ спокойного, доброжелательного человека, который чаще помогал другим, чем просил помощи себе.

— Подозрительно нормальная, — сказала я.

— Не сглазь, — ответил Аркадий.

Мы решили не копать глубже. Не потому, что полностью

утратили профессиональную осторожность. Просто копать оказалось некуда. Всё сходилось: рождение, школа, университет, работа, болезни, форум и осторожная жизнь человека, который привык не строить планов дальше ближайшей недели.

Полный отчёт Волков закончил только сейчас. Но лично с Лилией мы познакомились раньше.

Первые сведения он проверил за два дня: подтвердил документы, адрес и сам факт существования Лилии Алексеевны Лебедевой. Для предварительной встречи этого хватало. Пока Волков продолжал поднимать архивы, Даша узнала, кого именно мы только что записали в их группу.

Радовалась она недолго.

Сначала выяснилось, что знакомая по форуму теперь действительно играет вместе с ними. Потом — что Совесть и есть та самая Лилия, с которой Даша когда-то встречалась лично. А затем дочери пересказали разрешённую часть истории: красная Безликая, служебные каналы, Константин и отделённая от него совесть.

На этом месте Даша напряглась.

Ещё бы ей не напрячься. Одно дело — старая знакомая, с которой когда-то обсуждали осознанные сны. Другое — часть убитого бога, долгое время отвечавшая через красные системные сообщения и знавшая о нашей семье намного больше, чем сообщала.

Пришлось объяснять по порядку. Во время их первых

встреч Лилия сама не знала, кем является. Когда начала вспоминать, рассказывать уже не могла: прежние мы и система закрыли доступ к опасным сведениям до нужного момента. Позднее, когда Даша разыскала её и задала свой «чисто гипотетический» вопрос, Лилия поняла, о ком идёт речь, но имела право ответить только общими сведениями, известными всему сообществу.

Про рассыпающуюся искру мы не сказали.

Даша выслушала, некоторое время молча смотрела на Лилию, а потом задала несколько вопросов. Очень точных. Тех самых, после которых человек либо окончательно перестаёт доверять собеседнику, либо понимает, что злиться больше не на что.

Лилия отвечала честно.

Она не просила прощения за то, чего не делала, не пыталась вызвать жалость и не оправдывалась запретом системы. Просто рассказывала, что помнила, где ошибалась и почему в нужный момент не могла сказать больше.

Даша постепенно расслабилась.

А затем сделала то, что Морозовы обычно делают после тщательной проверки незнакомого человека.

Притащила его домой.

Точнее, Лилия давно уже не являлась для неё совсем незнакомой. Старая новая подруга получила приглашение подняться в квартиру, выпить чаю и нормально поговорить без нейтральной территории, официальных лиц и ошуще-

ния, что в соседней комнате обязательно сидит кто-нибудь с диктофоном.

Никто с диктофоном в соседней комнате не сидел.

Зато дома находился Павел.

— Ты кого привела? — спросил он, увидев в прихожей хрупкую светловолосую девушку.

— Лию.

— Это я уже слышал. Она кто?

— Наша знакомая.

— Даша.

— Павел.

По интонации обоих становилось понятно, что переговоры зашли в привычную семейную стадию.

Павел напомнил, что сестра привела постороннего человека в квартиру. Даша популярно объяснила, что Лилия ни разу не посторонняя и вообще ему не следует лезть в чужие дела. Павел посмотрел на сестру, вспомнил детство и её отношение к попыткам взять любимую игрушку без разрешения.

Потом вспомнил маму.

Сходство аргументации было таким полным, что продолжать спор не имело смысла.

Он махнул рукой и уже собирался уйти, но вовремя вспомнил выданное ему распоряжение. Мама велела глаз с Совести не спускать. Уточнения, действует ли приказ только в игре или распространяется на реальность, не последовало.

Павел решил не рисковать.

Он принёс ноутбук, сел за кухонный стол и открыл документы. Вид у него был чрезвычайно рабочий. Настолько рабочий, что становилось ясно: ни одной строчки он сейчас не читает.

Даша посмотрела на брата. Брат посмотрел на экран. Лилия посмотрела на обоих и, кажется, впервые поняла, в какую именно семью её только что передали на ответственное хранение.

Выгнать Павла из собственной квартиры было сложно. Вернее, технически возможно, но после этого он мог позвать Стаса, Волкова, охрану или сразу всех. Разговаривать стало бы ещё удобнее.

Даша решила не обострять. Налила брату кофе, поставила чашку рядом с ноутбуком и великодушно разрешила:

— Ладно. Сиди. Только не мешай.

Павел слегка опешил.

Действие всё ещё происходило в его квартире.

Но кофе был хороший, приказ матери выполнялся, а спорить с сестрой в её нынешнем настроении мог только человек, которому не хватало острых ощущений. Павел остался за столом и продолжил изображать сотрудника, совершенно не слушающего женский разговор.

Изображал неубедительно.

Девушки поговорили. Сначала осторожно, будто проверяли, сохранилось ли между ними хоть что-нибудь от прежнего

знакомства. Потом быстрее. Вспомнили форум, две давние встречи, странные темы и тот самый поздний вопрос Даши, который теперь звучал намного страшнее, чем тогда.

К моменту, когда Аркадий поднялся в квартиру, осторожность почти исчезла. Я пришла следом и застала Лилию с чашкой чая, Дашу рядом и Павла за ноутбуком. Последний по-прежнему делал вид, что работает, но уже мог пересказать разговор с указанием времени и эмоциональной окраски каждой реплики.

Так нейтральная встреча закончилась семейным чаепитием раньше, чем Волков успел завершить полный отчёт.

Лилия поднялась, когда вошли мы с Аркадием. В жизни она действительно выглядела почти так же, как в игре: очень светлая, тонкая и настороженная. Только голубые глаза здесь не светились, а за спокойствием угадывалась усталость человека, который слишком давно привык считать плохое самочувствие нормой.

Мы познакомились ещё раз.

На этот раз без системной карточки над головой.

Разговор быстро перешёл к практическим вопросам. Оставлять Лилию одну в прежней квартире не хотелось. Она входила в игру без капсулы, через обычный сон, а после смены статуса никто ещё не знал, как её тело поведёт себя во время долгих переходов. Постоянные болезни тоже никуда не делись.

Свободное жильё у нас имелось. На уже выкупленном эта-

же, между нашей с Аркадием квартирой и квартирой Постника, оставалось несколько пустых квартир. Одну из них можно было подготовить для Лилии без новых переговоров, выселений и попыток объяснить посторонним, почему в доме всё чаще появляются люди, которых официально не существует.

Лилия попыталась отказаться.

Получилось слабо.

Даша сказала, что одной ей всё равно оставаться нельзя. Павел напомнил о распоряжении не спускать глаз. Аркадий задал несколько вопросов о приступах, лекарствах и наблюдавших её врачах. Я поинтересовалась, сколько вещей нужно перевезти.

После этого отказ потерял юридическую силу.

Заодно внезапно решился другой квартирный вопрос.

Даша посмотрела на Павла, который всё ещё сидел за столом и всё ещё совершенно случайно слышал каждое слово, и сообщила:

— Мы со Стасом тоже переедем.

Брат медленно поднял голову.

— Куда?

— Двумя этажами ниже. Там есть свободная квартира.

— Почему?

— Надоело сидеть у тебя на шее. Тем более тут всякие ходят, подслушивают и возмущаются.

Взгляд на слове «всякие» достался хозяину жилплощади.

Павел посмотрел на сестру. Потом на Лилию. Затем снова на сестру и решил не напоминать, кто именно несколько минут назад разрешил ему находиться на собственной кухне.

Вместо этого он очень сдержанно сказал:

— Хорошо.

Слишком быстро.

Даша прищурилась.

— Ты рад, что ли?

— Конечно нет.

Радость Павла в этот момент могла осветить подъезд без резервного генератора.

Последние месяцы сестра и Стас жили у него. Сначала в разных комнатах, потом в одной, а Павел превратился в бесплатное приложение к их семейным разговорам. По вечерам к нему приходила Даша и рассказывала свою версию событий. Утром появлялся Стас и осторожно уточнял, где именно он вчера ошибся. Иногда они приходили вдвоём и начинали спорить уже при свидетеле.

Теперь у Павла появлялся шанс снова услышать в квартире тишину.

Он чуть не отправился собирать их вещи раньше, чем приехали грузчики.

Переезд получился семейным. Лилию поселили на нашем этаже, чтобы рядом находились мы, Постник, охрана и люди, способные вызвать врачей без лишних вопросов. Даша со Стасом перебрались в отдельную квартиру двумя этажа-

ми ниже. Все разъехались, но остались друг у друга под боком, что устроило даже самых тревожных членов семьи.

Павел выдохнул.

Наконец-то от сестры можно было отдохнуть.

Правда, теперь на него официально повесили Совесть.

Но об этом он предпочитал пока не думать.

Пока в реальности двигали коробки, подписывали акты и выясняли, кому досталась кофеварка, в игре группа занималась прокачкой нового мага.

План составили простой: сначала поднять Совесть хотя бы до тридцатого уровня и только потом вести в намеченный данж. Сам данж считался небольшим, но его обитатели держались примерно на пятидесятом уровне. Для Павла, Даши и Стаса это не являлось серьёзной угрозой. Для игрока первого уровня являлось всем сразу, включая короткую биографию.

На тридцатом уровне противнику пришлось бы хорошо попасть по Совести не меньше трёх раз, чтобы её убить. Под благословениями Даши требовалось уже около шести ударов. А рядом находился Павел, способный забрать агрессию на себя и сделать так, чтобы ни одного из этих ударов вообще не случилось.

Расчёт выглядел надёжно.

Особенно если забыть, что надёжные расчёты в нашей семье обычно служили приглашением для непредвиденных об-

стоятельств.

За одну реальную неделю игровой мир успел прожить двадцать восемь суток — ровно четыре недели. Сами ребята находились внутри не всё это время. При сессиях по десять—двенадцать часов в день активной прокачки набралось от двухсот восьмидесяти до трёхсот тридцати шести игровых часов: от одиннадцати суток и шестнадцати часов до четырнадцати полных суток.

То есть по календарю мира прошёл почти месяц, а лично они успели прожить внутри примерно две недели.

Этих двух недель оказалось достаточно.

Группа выбирала места, которые для троих опытных игроков уже не представляли большого интереса, зато приносили новичку много опыта. Павел собирал противников на себя. Даша усиливала своих и сбивала настрой чужим. Стас заранее находил всё, что собиралось выпрыгнуть из кустов, провалиться под ногами или притвориться безобидным сундуком.

Совість училась.

В первые дни её тьма действительно умела главным образом портить освещение. Затем появились нормальные ослабления, путы, метки и проклятия. Лилия быстро поняла главное преимущество своего класса: вовсе не обязательно убивать противника лично, если можно сделать так, чтобы он ослеп, споткнулся, потерял защиту и очень удачно упал под оружие товарища.

К концу недели она добралась до двадцать восьмого уровня и заполнила половину шкалы до двадцать девятого.

До запланированных тридцати не хватало совсем немного.

Ребята посовещались и решили, что этого достаточно. Разница в полтора уровня на фоне благословений, защиты Павла и общего опыта группы выглядела несущественной. Маршрут они сообщили. Сроки обозначили. Снаряжение проверили несколько раз.

Так четверо отправились в незапланированное запланированное путешествие.

Без нас.

Поначалу всё шло хорошо. Даже слишком хорошо. Дорога оказалась спокойной, вход в данж нашли без приключений, заявленный уровень совпадал с действительностью, а первые противники вели себя ровно так, как им полагалось.

Павел держал удар.

Даша поддерживала группу.

Стас проверял путь.

Совесь исправно портила жизнь всем, на кого показывали.

Никто не отстал. Никто не потерялся. Никто не нашёл древний артефакт, проклятый алтарь или запертую дверь, которую обязательно требовалось открыть вопреки здравому смыслу.

Наверное, именно поэтому неприятность пришла с дру-

гой стороны.

С нашей семьёй редко бывало всё гладко. Там, где дорога выравнивалась, обязательно появлялось обстоятельство, которое не внесли в маршрутный лист.

Этот поход едва не закончился трагедией.

Причём опять не в игре.

В реальности.

Началось всё с подземелья.

Оно находилось на нашей территории, но почти вплотную примыкало к серой зоне. Когда данж осматривали в прошлый раз, ничего особенного в нём не обнаружили. Предыдущая группа прошла его, закрыла задание и забыла о существовании нескольких сырых коридоров, посредством которого босса и награды, ради которой второй раз возвращаться не хотелось.

В реестре подземелье проходило под грифом «ничего необычного».

Для нормальных людей это означало именно то, что было написано.

Для нашей семьи — что необычное пока просто не нашли.

Ребята зачистили основную часть данжа без затруднений. Первые странности появились уже в коридорах, ведущих к боссу. С потолка стекала густая чёрная слизь. Она собиралась на сталактитах, тянулась между камнями вязкими нитями и местами свисала так низко, что приходилось обходить.

На обычное подzemелье это походило слабо.

Но игровой мир и раньше не отличался умеренностью в оформлении. Поэтому ребята решили, что перед ними очередная местная декорация. Трогать её, разумеется, не стали. Обходили, не задевали оружием и не пытались выяснить, можно ли собрать неизвестную дрянь в колбу для последующей продажи.

Окончательно убедиться в том, что дрянь является редкой, удалось возле комнаты босса.

Дверь оказалась открыта.

Внутри никто не ждал.

Точнее, босс находился на месте, только висел под потолком. Чёрная масса опутывала его от ног до головы, удерживая на нескольких толстых жгутах. Глаза существа оставались открытыми и совершенно мёртвыми. Тело разлагалось так давно, что часть брони уже вросла в потемневшую плоть.

Поначалу ребята решили, что так выглядит новая стадия задания. Возможно, босса следовало освободить, опознать или снять с потолка, после чего он оживёт и попытается всех убить в установленном порядке.

Система молчала.

Зато слизь ожила.

Она потянулась к вошедшим сразу с нескольких сторон. Павел первым заметил движение и шагнул вперёд, закрывая остальных. Удар пришёлся в щит, но не отлетел и не растёкся. Чёрная масса прилипла к Аббадону, рывком обхватила

руку хозяина и за несколько секунд спутала Павла по рукам и ногам.

Щит увяз.

Каменный глаз Аббадона раскрылся. За ним вспыхнуло знакомое пламя, но выстрела не последовало. Слизь забила выемку, обмотала край щита и начала медленно ползти выше.

Павел попытался вырваться и в этот момент увидел кнопку выхода.

Она мигала.

Сначала серым, затем тёмно-серым. Ещё несколько вспышек — и кнопка должна была стать полностью чёрной.

— Даша, выходи! — рывкнул он. — Быстро! Пиши матери. У нас чрезвычайная ситуация. Я могу не выйти!

Даша не стала спорить. Слишком хорошо помнила капсулы, которые уже однажды мигали красным и не открывались. Она запустила выход и исчезла из подземелья раньше, чем слизь успела дотянуться до её ног.

Стас бросился к Павлу.

— Не подходи! — Павел дёрнул скованной рукой и едва не упал. — На выход! Это приказ!

Стас остановился. По лицу было видно, чего ему стоило подчиниться, но ещё одна чёрная нить уже тянулась к его сапогу. Он отступил, запустил выход и исчез следом за Дашей.

В реальности Даша сразу подняла тревогу. Сообщение ушло Аркадию, мне и всем, кого следовало предупредить

при очередной попытке неизвестной дряни сожрать члена семьи.

Стас вышел из капсулы, схватил телефон и на бегу позвонил Волкову. Сам помчался на два этажа вверх, к квартире Павла. Ключ у него сохранился со времени совместной жизни, поэтому ждать охраны не пришлось.

В спальне он увидел то, чего до сих пор не показывала ни одна капсула.

Изнутри по прозрачной крышке расползалась чёрная жижа. Она поднималась от игрового раствора, обхватывала неподвижное тело Павла и постепенно закрывала обзор. Стас дёрнул аварийный рычаг.

Крышка не открылась.

На панели вспыхнула красная системная ошибка.

Стас попытался ещё раз, хотя уже понимал: дело совсем плохо.

Пока в реальности поднимали охрану и пытались вскрыть капсулу, в подземелье Совесть спасала того, кому поручили следить за ней.

Самое светлое и разумное создание отряда решило, что приказ об отходе относится ко всем, кроме неё. Это был сарказм. Лилию приставили к Павлу, Павел являлся её командиром, а командира полагалось слушаться.

Но если командира прямо сейчас пыталась съесть неизвестная дрянь, сначала его следовало вытащить. И только потом уточнять формулировку приказа.

Совість вцепилась в чѣрные жгуты и начала срывать их с Павла. Тьма слушалась плохо: её заклинания проваливались в слизь и исчезали, не оставляя следа. Тогда Лилия стала тянуть руками.

Она не помнила, что именно перед ней.

Но память кричала, что нельзя позволить жиге закрыть Павлу лицо. После этого человек уже не останется человеком. От него сохранится тело, голос, привычные движения и, возможно, часть воспоминаний. Всѣ остальное превратится в пустую оболочку, которой кто-то будет управлять с другой стороны.

Слизь обожгла ладони Лилии, поползла по запястьям и начала впиваться под кожу тонкими чѣрными нитями. Было больно. Она всѣ равно не отпустила.

Новость дошла до меня, когда я разбиралась со строительством аванпоста.

К тому времени укрепления почти завершили. Жителей, доверенных нам системой, расселили по новым домам. Последние семьи ещё перетаскивали утварь, но палаточный городок уже сворачивали, а освободившиеся рабочие руки направили на новое строительство.

Жители решили возвести храм.

Не часовню и не временный алтарь, а настоящий храм в нашу с Аркадием честь. Посвящённый двуединому покровителю с ангельской и демонической половинами, белыми и чѣрными крыльями и огромным мечом. Они настояли сами,

поэтому препятствовать народной инициативе мы не стали.

Получался второй храм, построенный непосредственно для нас. Первый скрывался под корнями Иггдрасиля. Второй должен был подняться посреди аванпоста.

Мы были не против.

Особенно если жители собирались строить его своими руками и не требовали от божества утверждать смету каждого кадила.

В этот момент пришло сообщение Даши.

Через несколько мгновений я уже стояла возле капсулы Павла. Волков с охраной пытались добраться до аварийного контура, Стас снова и снова дёргал бесполезный рычаг, а за прозрачной крышкой медленно стучалась чернота.

Мне хватило пары секунд, чтобы найти сына по нити.

Следующий шаг вывел меня прямо в комнату босса.

Лилия стояла на коленях возле Павла. Одной рукой держала его за подбородок, не позволяя опустить голову, второй срывала с лица вязкую массу. Чёрная жижа уже расползлась по его телу, как паутина, залепила щит и почти добралась до рта.

От самой жижи уходила линия.

Тонкая, тёмная и чужая. Она тянулась за стены подземелья, дальше серой зоны и куда-то туда, куда сейчас смотреть не хотелось.

Но перерубить её я могла.

На размышления ушла доля секунды.

Я рассекла линию.

Визг прокатился по всему подземелью. Камень задрожал, чёрные жгуты заметались, а с потолка сорвалось мёртвое тело босса. Оно рухнуло на пол и тут же рассыпалось серым прахом.

Перед глазами вспыхнуло системное сообщение:

Поздравляем! Вы зачистили подземелье.

Ошибка.

Награда не может быть выдана.

Ошибка.

— Потом разберёмся, — пообещала я системе.

Чёрная жижа отступила от Павла, соскользнула со щита и прямо в воздухе превратилась в пыль. Последние нити рассыпались на ладонях Лилии.

Павел упал на колени. Одной рукой упёрся в каменный пол, вторую прижал к груди и закашлялся так, будто пытался вытолкнуть из лёгких остатки подземелья.

Лилия продержалась ещё несколько секунд.

Изо рта пошла кровь, смешанная с пеной. Девушка качнулась, упала рядом с Павлом и забилась в судорогах.

Сын подгрёб её к себе, открыл показатели и ничего не понял.

Полоса здоровья была целой.

Ни одного дебафа.

Ни отравления, ни проклятия, ни кровотечения. По сведениям системы Совесть чувствовала себя превосходно и

могла продолжать приключение.

Павел посмотрел на меня.

Я посмотрела на него.

Оба поняли одновременно: умирал не аватар.

— Выходи, — сказала я. — Сейчас же.

После разрыва линии кнопка снова работала. Павел запустил выход, а я потянулась к уже знакомой сигнатуре и шагнула в квартиру Лилии.

В реальности ей было ещё хуже.

Девушка лежала на кровати, задыхалась и билась в судорогах. Между жизнью и смертью оставалось совсем немного, и сокращать это расстояние мы не собирались.

Скорую вызвали немедленно. Через пять минут бригада уже была у квартиры. Лилии надели кислородную маску, поставили систему, переложили на носилки и повезли в реанимацию.

Предварительное объяснение врачей не объясняло ничего.

Существующие диагнозы не должны были вызывать такой приступ. Часть показателей выглядела почти нормально, другая соответствовала тяжёлому отравлению. Токсикология ничего не нашла. Кровь оказалась чистой. Кровотечение во рту попытались объяснить прикушенным языком, но оно не объясняло рвоту, удушье и общее состояние.

Лилию оставили под наблюдением.

Мы тоже остались.

Когда она пришла в себя, возле кровати собрались все, кто ещё недавно находился с ней в подземелье. Павел выглядел так, будто собирался лично запретить пациентке терять сознание. Даша держала Лилию за руку. Стас стоял рядом. Аркадий молчал, и это молчание обещало отдельное расследование каждому, кто имел отношение к произошедшему.

Наверное, моё лицо выглядело не лучше.

Лилия оглядела нас и слабо произнесла:

— Извините, что напугала.

— Даже не начинай, — сказала я.

— И ещё извините. Кажется, всё это произошло из-за меня.

В палате стало очень тихо.

Мы проверили Лилию. Волков поднял её документы, связи и почти всю человеческую жизнь. Я осмотрела её нити. Аркадий проверил рассказ. Мы поселили её рядом, приставили к группе и решили, что всё предусмотрели.

Теперь выяснялось, что не всё.

Лилия объясняла медленно, иногда останавливаясь, чтобы перевести дыхание.

Данж находился на границе серой зоны и примыкал к территории, которая прежде входила в светлую сеть Константина. Таких ячеек у него было много. Только настоящим хозяином сети Константин не являлся. Он распоряжался отдельными участками, выполнял приказы и считал их своими, но все дороги в конечном счёте вели выше.

К Григорию.

— Я не уверена, — сразу предупредила Лилия. — Это только версия.

По её предположению, кто-то с той стороны почувствовал знакомую сигнатуру. Совесть всё ещё являлась частью Константина, пусть отделённой и давно самостоятельной. Пока она оставалась служебной сущностью, след прятался среди каналов системы. После регистрации игроком сигнатура стала заметнее.

Возможно, одна из других Ищеек решила проверить, почему в пограничной ячейке появился след уничтоженного бога. А когда пошла по нему, обнаружила не только Лилию, но и ведущую через неё дорогу в человеческий мир.

— Та Ищейка была не единственной? — спросил Аркадий.

— Не знаю. Григорий умел выращивать их из себя. Одну вы убили. Из этого не следует, что других нет.

Ответ не понравился никому.

Чёрная жижа, по словам Лилии, очень напоминала скверну.

— Что такое скверна? — спросила Даша.

— Вирус. Только заражает он не тело.

Скверна не обязательно убивала носителя. Ей живой носитель был полезнее. Она питалась его эмоциями, силой и внутренними ресурсами, постепенно отнимала управление и превращала человека в куклу. Тело продолжало ходить, раз-

говаривать и пользоваться знакомыми умениями, но дёргал за нити уже кто-то другой.

Сама скверна при этом оставалась почти самостоятельной. Росла, искала новые цели и забирала столько, сколько могла удержать. Часть накопленной энергии уходила тому, кто её создал или подчинил.

Если версия Лилии была верна, кто-то из Ищеек пустил скверну по едва заметной остаточной связи.

Я злилась.

Не на Лилию.

На себя.

Я увидела опасность слишком поздно. Проверила человека, документы, память и доступные линии, но пропустила тончайший след, оставленный в ней прежней сигнатурой Константина. Если бы скверна успела заразить не только босса, но и кого-нибудь из игроков, светлые получили бы готовые тела, доступ к капсулам и проход через нашу защиту.

Зашли бы к нам как к себе домой.

Лилия заметила выражение моего лица и тихо сказала:
— От этого можно поставить защиту.

Подробный разговор о защите мы решили отложить. В палате Лилия успела только вкратце объяснить, почему не сработал прежний барьер.

Барьер у нас имелся. Я поставила его по наитию, когда только начала понимать нити и межмировые переходы. Он отсекал чужие сигнатуры, не позволял пройти по внешнему

следу и до этого исправно удерживал всё, что считалось посторонним.

Не сработал барьер по одной причине.

Носитель подходящей сигнатуры уже находился внутри.

Лилия вошла под защиту с нашего разрешения. Её поселили на этаже, включили в группу и признали своей. Скверна не ломала барьер снаружи. Она проскользнула по разрешённой линии вместе с той, кого защита уже пропускала.

Нам повезло, что заражение не успело добраться до основных узлов и других игроков.

Очень повезло.

Конкретный способ усиления защиты Лилия обещала объяснить, когда сможет нормально сидеть, думать и не общаться с нами из-под кислородной маски. Я согласилась отложить техническую часть, но задала другой вопрос:

— Какая связь до сих пор соединяет тебя с Константином или с теми, кто стоял над ним?

— Прямой связи нет, — ответила она. — По крайней мере, я её не чувствую. Но я была частью Константина. Значит, какой-то след остался. Иначе они не смогли бы пройти.

— Почему раньше не прошли?

— Возможно, из-за места. Данж стоит почти на границе и когда-то входил в одну из светлых ячеек. Там старые линии ближе к поверхности. Если бы группа пошла в подземелье глубже на нашей территории, скорее всего, ничего бы не случилось.

Слишком много «возможно».

Но другой версии у нас пока не было.

Я закрыла глаза и посмотрела на Лилию иначе.

Сформированного ядра не существовало. Внутри медленно вращалась красная энергия, осыпаясь мелкими искрами. Она становилась тоньше, слабее, но всё ещё держала форму.

От неё расходились линии.

Знакомые, новые, игровые, человеческие. Среди них пряталась одна почти бесцветная. Настолько бледная, что раньше я принимала её за след от уже разорванной связи.

Моё ядро отозвалось мгновенно.

Вот он.

Червь.

Нить цеплялась за отпечаток, оставленный Константином в старой сети. Куда она уходила дальше и уходила ли вообще, я определить не могла. Это был не полноценный канал и не договор, а остаточная сцепка: слишком слабая для обычного перехода, но достаточная, чтобы пустить по ней что-нибудь маленькое, терпеливое и очень заразное.

Я задумалась, не повредит ли разрыв самой Лилии.

Внутреннее чувство ответило: нет.

Я ухватила за нить, потянула на себя и разорвала.

Лилия резко закашлялась. Несколько раз моргнула, прижала ладонь к груди и замерла, прислушиваясь к себе.

— Исчезло, — прошептала она.

— Что именно?

— Связь.

Я кивнула и сразу вышла из палаты.

Остальные остались возле Лилии. В коридоре было тихо, пахло лекарствами, а за ближайшим окном уже темнело. Мне требовалось хотя бы несколько минут, чтобы подумать над тем, что я только что сделала и что едва не случилось с Павлом.

Подумать спокойно не получилось.

Злость никуда не делась. Она росла, заполняла изнутри и постепенно вытесняла всё остальное. Я снова видела чёрную жижу на лице сына, кровь на губах Лилии и целую полосу здоровья над человеком, который в реальности почти умирал.

Аркадий вышел следом.

Он ничего не спрашивал. Просто догнал меня и положил руку на плечо.

Привычное слияние отозвалось сразу. Его спокойствие столкнулось с моей яростью, но не погасило её. Наоборот, теперь злость стала общей.

— Не волнуйся, — тихо произнёс он. — Мы его найдём.

Я посмотрела на него.

— Я уже нашла.

Тёмную линию скверны я перерубила ещё в подземелье. Но направление запомнила. А теперь, после того как увидела бледного червя внутри Лилии, наконец поняла, за что именно нужно цепляться.

Моя злость не оставила нам времени ни на совещание, ни на разумный план, ни хотя бы на попытку предупредить тех, кто остался в палате.

Пространство дёрнулось, и больничный коридор исчез.

Нас выбросило в Светлые земли, в совершенно незнакомое помещение. Ни названия места, ни карты, ни приветственной надписи система не предложила.

В дальнем конце комнаты сидела тёмная фигура.

С виду почти человеческая. За спиной складывались крылья, по форме похожие на ангельские. Одно из них до неприятного напоминало крыло Аркадия, только вместо света по перьям стекала густая тень.

Существо подняло голову.

Удивиться оно успело.

Сделать что-нибудь ещё — нет.

Мы не стали задавать вопросы. Общая сила подхватила его, вырвала душу из тела и бросила прямо под косу.

Один взмах — отсечение. Второй прошёл крест-накрест, и душа рассыпалась прахом.

Шум привлёк остальных.

В помещение вошли ещё несколько таких же существ. Они остановились на пороге, увидели нас, пепел на полу и, кажется, приняли сразу несколько неправильных решений.

Первое попыталось ударить светом.

Коса разрежала и свет, и того, кто за ним прятался.

Второе пошло через тень. Мы выдернули его наружу вме-

сте с тенью.

Третье попыталось закрыть проход.

После него закрывать уже было некому.

Потом пришли следующие, а за ними ещё.

Кто-то нападал. Кто-то пытался сбежать. Один особенно предусмотрительный лёг на пол и притворился мёртвым, не учтя, что мёртвые для меня являлись не маскировкой, а профильным направлением.

К концу происходящего помещение выглядело так, будто здесь очень старательно пересчитывали мешки с цементом и каждый раз ошибались.

Шестьдесят восемь ровных кучек пепла.

Мы подождали, прислушались к линиям, проверили соседние помещения и убедились, что больше к нам никто не идёт. То ли существа закончились, то ли оставшиеся внезапно проявили редкую для Светлых земель способность учиться на чужих ошибках.

Я подняла голову и произнесла в пустоту:

— Советую больше не приближаться туда, куда вас не просят.

Ответа не последовало.

На этой ноте мы вернулись в больничный коридор.

Для остальных прошло совсем немного времени. Для нас — ровно столько, сколько потребовалось, чтобы подтвердить версию Лилии, закончить разговор с Ищейками и оставить после себя шестьдесят восемь убедительных аргумен-

тов.

К защите вернулись, когда Лилия смогла разговаривать без кислородной маски. На этот раз её выстроили уже по науке.

Новый контур проверял не только того, кто входил, но и всё, что пыталось пройти вместе с ним. Разрешённая сигнатура больше не означала, что любой прицепившийся к ней червь автоматически считается членом семьи. Старые светлые линии отсекали, переходы разделили, а подозрительные следы отправили в отдельный замкнутый слой, из которого им было не выбраться.

Барьер поставили не только вокруг квартир, капсул и игровых узлов.

Им накрыли всё выкупленное имущество.

Пусть теперь попробуют зайти как к себе домой.

Цену разрыва узнали позже.

После выписки Лилия попыталась вернуться в игру привычным способом.

Легла, закрыла глаза и уснула.

А потом проснулась.

Никакого служебного канала. Никаких Светлых земель. Никакого перехода. Обычный сон, в котором она опоздала на автобус, потеряла сумку и половину ночи пыталась найти аудиторию в университете, который окончила несколько лет назад.

Сначала решили, что организм ещё не восстановился после приступа. Подождали. Попробовали снова.

Результат не изменился.

Тогда стало понятно: вместе с опасным следом я разорвала что-то важное. Тот самый мост, по которому Лилия прежде проходила между мирами без оборудования, исчез.

Оставалось проверить капсулу.

Свободное устройство нашли быстро. Лилия легла внутрь, система считала сигнатуру и без затруднений нашла привязанного к ней персонажа.

Совесьь никуда не исчезла.

Уровень, класс, умения и инвентарь остались на месте. Регистрация игрока спасла всё, что она успела получить после выбора имени. Просто теперь для перехода требовался тот же костыль, которым пользовались остальные.

Ничего страшного.

Квартиру мы ей уже выдали.

Теперь выдали ещё и капсулу.

Так Совесьь окончательно стала обычным игроком: с документами, пропиской, больничной выпиской, почти двадцать девятым уровнем и собственным оборудованием.

Добро пожаловать в штат.

Глава 6. В пределах разумного

После того случая Павел не отходил от Лилии ни на шаг.

Не буквально, конечно. Он всё ещё спал в собственной квартире, ходил на работу и временами даже позволял девушке закрывать за собой дверь. Но если Лиля кашляла, Павел появлялся рядом раньше, чем она успевала найти стакан воды. Если задерживалась в игре, он проверял показатели. Если слишком долго не отвечала на сообщение, интересовался у охраны, находится ли она дома.

Лилия пока не решила, что именно это такое: исполнение приказа, благодарность, чувство вины или новая разновидность домашнего надзора.

Через два дня после выписки ей потребовалось снова съездить в клинику. Лечащий врач настоял на повторном приёме и дополнительных анализах. Случившееся было слишком серьёзным, а отсутствие понятной причины нравилось ему ещё меньше, чем плохой диагноз.

В больнице Лилию уже проверили вдоль, поперёк и в нескольких направлениях, существование которых она раньше даже не подозревала. Ничего не нашли. Именно поэтому врач решил проверить всё ещё раз.

Он был одним из врачей, которым Морозовы доверяли много лет, и прекрасно понимал местные правила. Если эта семья просила убедиться, что с человеком всё хорошо, слово

«убедиться» означало закрыть каждый вопрос документом, анализом и подписью ответственного лица.

Лилии предложили взять кровь на дому и провести повторный осмотр там же.

Она отказалась.

— Я хочу наконец прогуляться, а не сидеть в четырёх стенах.

Желание признали разумным. Самочувствие у неё было хорошим, гулять врачи не запрещали, а сама Лилия являлась взрослым человеком и имела право распоряжаться собственной жизнью.

В пределах разумного, разумеется.

Утром она вышла из квартиры, вызвала лифт и совершенно случайно встретила внутри Павла.

Случайность выглядела убедительно примерно настолько же, насколько его работа за ноутбуком во время первого разговора Лилии с Дашей.

— Куда собралась? — спросил он вместо приветствия.

— К врачу.

— Как добираться будешь?

— На автобусе.

Павел неодобрительно цокнул языком.

— На автобусе я тебя не пушу.

Лилия сделала круглые глаза.

С одной стороны, перед ней стоял непосредственный командир игровой группы. С другой — мужчина, который не

являлся ни родственником, ни опекуном, но только что попытался запретить ей пользоваться общественным транспортом. С третьей — самый настоящий хам, уверенный, что ему позволено решать, куда и на чём поедет взрослая женщина.

Больше всего обижало то, что спорить с ним после недавней реанимации было сложно. Павел мог одним взглядом напомнить про кислородную маску, судороги и закрытую капсулу, не произнеся ни слова.

Лилия всё же попыталась:

— Я всю жизнь езжу на автобусах.

— Сегодня не поедешь.

— Почему?

— Потому что я отвезу.

Лифт приехал в подземный гараж.

Возражение не успело сформироваться.

Своей машины у Лилии действительно не было. Из-за здоровья она так и не пошла учиться на права. Полностью автоматический автомобиль тоже никогда не покупала: сначала не хватало денег, потом не было необходимости, а позднее она привыкла обходиться без него. Большую часть времени Лилия работала дома, до нужных мест добиралась общественным транспортом и считала это вполне удобным.

В автобусе можно было смотреть в окно, наблюдать за городом и людьми, никуда не спешить и не следить за дорогой.

Павла этот довод не впечатлил.

В гараже их ждал большой внедорожник, который когда-то вывез хозяина и Аркадия Львовича через овраг, дым и полосу огня. После той поездки машина лишилась зеркала, обгорела, покрылась царапинами и выглядела так, словно сама имела право на несколько недель больничного.

Теперь внедорожник отремонтировали. Заменяли повреждённые детали, перекрасили кузов, перебрали салон и вернули на дорогу в состоянии, которое оказалось даже лучше прежнего.

Павел открыл пассажирскую дверь и помог Лилии сесть. Она посмотрела на протянутую руку, потом на него, но промолчала.

До клиники доехали быстро. Павел припарковался, проводил Лилию внутрь и не остановился даже у двери процедурного кабинета.

Медсестра посмотрела на него.

— Вы родственник?

— Ответственный, — сообщил Павел.

Лилия в этот момент всерьёз задумалась, можно ли провалиться сквозь кафельный пол и как далеко придётся падать, чтобы её наконец оставили сдавать кровь в одиночестве. Не оставили.

Павел стоял рядом, пока медсестра готовила пробирки, уточняла фамилию и накладывала жгут. Следил так внимательно, будто от правильности забора крови зависела работа всего холдинга.

— Расслабьте руку, — попросила медсестра.

Лилия расслабила руку. Павел продолжил смотреть.

— И плечи, — добавила медсестра.

Лилия попыталась расслабить ещё и плечи, хотя под таким наблюдением проще было превратиться в камень.

Анализы взяли. Сознание она не потеряла, в судорогах не забилась и после процедуры самостоятельно встала со стула. Павел убедился во всём перечисленном лично, после чего немного успокоился. Совсем немного.

Кровь требовалось сдавать натошак, поэтому на выходе он предложил:

— Поедим?

Лилия собиралась вернуться домой, но после нескольких пробирок организм поддержал предложение раньше хозяйки.

— Поедим.

Они зашли в небольшое кафе неподалёку. Планировали задержаться на двадцать минут, а просидели почти два часа.

Сначала говорили о врачах и анализах. Потом Лилия спросила, почему у внедорожника в салоне всё новое, хотя сама модель явно не последняя. Павел рассказал про пожар, овраг и поездку через огонь так буднично, словно речь шла о неудачном заезде на мойку.

— И после этого ты запрещаешь мне автобус? — спросила она.

— Автобус через такое не проедет.

— Я тоже не собиралась ехать через пожар.

— Он в прошлый раз тоже не был в маршруте.

Лилия рассмеялась, и разговор незаметно ушёл от машин к работе. Она рассказывала о заказчиках, которые просили «сделать красиво», но отказывались уточнять, что именно считают красивым. Павел отвечал историями о людях, приносивших документы без половины приложений и искренне удивлявшихся, почему сделка не закрылась вчера.

Оказалось, что управление крупными активами и рисование рекламных макетов имеют много общего. В обоих случаях клиент точно знает, чего хочет, до момента, когда получает желаемое.

После кафе возвращаться домой сразу не захотелось уже обоим. Павел предложил немного прогуляться. Лилия согласилась.

Они поехали в старый городской парк у реки. Не в шумный парк развлечений, а туда, где между деревьями тянулись дорожки, работало несколько летних киосков, сохранился тир и можно было часами ходить без определённой цели.

В тир Павел зашёл из профессионального интереса. Так он сказал.

Лилия наблюдала, как человек, привыкший держать на себе игровых чудовищ, с совершенно серьёзным лицом целится в жестяные мишени ради небольшого приза. Павел выбил почти всё и получил яркую мягкую подушку в форме облака.

— Это тебе, — сказал он.

— Почему?

— Мне в машину не подходит.

Объяснение было исчерпывающим, поэтому Лилия приняла подарок.

Потом Лилия купила сахарную вату. Павел заявил, что не хочет, но через несколько минут держал палочку, пока она поправляла длинные волосы. Тонкая сахарная нить всё равно успела запутаться в светлой пряди.

Павел осторожно снял её пальцами. Лилия замерла. Он тоже.

— Всё, — сказал Павел и отпустил прядь.

— Спасибо.

После этого они почему-то некоторое время шли молча.

Молчание не было неловким. Скорее новым. В нём не требовалось срочно придумывать тему, оправдываться или объяснять, почему один человек опять следит за другим.

Мороженое они купили уже на двоих. Затем увидели афишу кинотеатра и решили, что раз всё равно оказались рядом, можно зайти на ближайший сеанс.

Фильм попался не особенно хороший.

Зато обсуждать его оказалось весело. Лилия шёпотом предсказывала самые нелепые повороты, Павел не верил, а через пять минут на экране происходило именно то, что она сказала. К финалу они оба едва сдерживали смех и получили несколько недовольных взглядов от людей, относившихся к происходящему серьёзнее.

К вечеру день окончательно перестал напоминать поездку за анализами.

Слово «свидание» никто не произносил.

Поэтому формально ничего подозрительного не происходило.

Последний кофе они взяли на набережной.

Солнце уже опустилось, на воде отражались огни, а дневная жара сменилась прохладой. Лилия сидела рядом, обхватив стакан ладонями. Длинные прямые волосы лежали на плечах и светились под фонарями почти так же, как в игре.

Павел смотрел на неё дольше, чем требовалось для обычной проверки самочувствия.

Лилия заметила.

— Что?

— Ничего, — ответил Павел неубедительно.

Павел помолчал, затем произнёс:

— Спасибо тебе.

— За сегодняшний день?

— За то, что спасла меня.

Лилия опустила взгляд. Щёки слегка порозовели.

— Не за что.

— Есть за что.

— Лучше бы этого вообще не случилось. — Она провела пальцем по краю стакана. — Из-за меня ты туда попал. Я не знала, что такое возможно, но это ничего не меняет. Если бы

меня не было в группе, скверна бы вас не нашла.

Павел взял её за руку.

Не потому, что заранее решил так сделать. Просто услышал знакомое «из-за меня», увидел, как Лилия снова пытается взять на себя чужую вину, и понял, что одних слов будет недостаточно.

— Ты не виновата.

— Но...

— Не виновата, — повторил он. — А если бы тебя не было в нашей группе, я бы с тобой вообще не познакомился.

Фраза прозвучала двояко, и Павел понял это сразу после того, как произнёс.

Лилия, судя по тому, как снова порозовела, тоже.

Отдёргивать руку она не стала.

Перед глазами Павла на мгновение возникло подземелье. Чёрная жижа, закрывающая обзор. Лицо Лилии совсем близко. Голубые глаза, полные слёз, и её едва слышный шёпот:

— Пожалуйста... Пожалуйста, только успейте...

Она тянула скверну с его лица голыми руками, хотя та уже впивалась ей под кожу. Не знала, успеет ли помощь. Не знала, выживет ли сама. Всё равно не отошла.

До этого Павла вытаскивали из неприятностей мать и сестра — семья, люди, для которых его жизнь по определению стояла выше любых расчётов. Лилия стала первой посторонней. Точнее, перестала ею быть в тот момент, когда

решила остаться.

Она переживала за него самого. Не за фамилию Морозовых, положение в компании или количество нулей на банковском счёте. В подземелье всего этого не существовало. Был только Павел, которого пыталась забрать скверна, и девушка, повторявшая «пожалуйста», пока не пришла помощь.

Женщины в его жизни встречались разные: красивые, уверенные, безупречно одетые. Многие заранее знали стоимость его часов, машины и доли в компании. Некоторые интересовались им самим, но Павлу всё равно приходилось гадать, где заканчивался человек и начиналась фамилия.

С Лилией гадать не хотелось.

Несмотря на постоянные болезни, она казалась светлее всех, кого он знал. Не беспомощной и не хрупкой игрушкой, которую следовало поставить под стекло. Просто светлой. С длинными прямыми волосами, спокойным голосом и голубыми глазами, напоминавшими океан.

Сравнение было банальным, но другого Павел всё равно не нашёл.

Он пока не понимал, чего именно хочет от этих отношений и существуют ли отношения вообще. Благодарность смешалась с тревогой, желание защищать — с интересом, а привычная ответственность почему-то заставляла замечать, как свет ложится на её волосы и как Лилия улыбается, когда забывает о собственном здоровье.

В одном Павел был уверен: терять эту девушку нельзя ни

там, ни здесь.

Своё состояние он пока не был готов назвать симпатией, поэтому назвал ответственностью. Слово было привычным, надёжным и бессовестно врало.

Глава 7. Ничего интересного

После того как Лилия окончательно оправилась после больницы, повторные анализы снова не нашли ничего, что можно было бы уверенно записать в медицинскую карту, а врачи разрешили ей вернуться к нормальной жизни, младшая группа опять собралась в полном составе. В неё входили Даша, Стас, Павел и Лилия.

Совесть получила официальное разрешение не умирать хотя бы в ближайшее время и утверждала, что чувствует себя хорошо. Павел проверял это утверждение чаще, чем требовалось, но вслух по-прежнему называл происходящее ответственностью.

На этой благой ноте четвёрка отправилась покорять новые земли и поднимать уровни. На этот раз выбрали маршрут подальше от серой зоны, старых ячеек Константина, подозрительных подземелий, чёрной жижи и вообще всего, что могло хотя бы отдалённо напоминать мазут.

Отчёты нам присылали регулярно: куда пошли, кого встретили, что убили, что убило бы их, если бы Павел вовремя не выставил щит, сколько осталось зелий, куда делся Стас и почему Даша снова утверждает, что это был короткий путь.

После пограничного подземелья паранойя у нас не прошла. Она просто получила должность, доступ к отчётности и право требовать контрольное сообщение после каждого по-

дозрительного чиха.

Я очень надеялась, что отдельный персонаж с именем Паранойя в нашей компании не появится.

С другой стороны, с нашим кадровым резервом произносить подобное вслух было опасно. Система могла принять это за заявку.

Пока младшие осваивали безопасные земли, мы с Аркадием Львовичем разбирались с насущными проблемами.

Первой проблемой оказался Баламут. Точнее, не он сам, а его отсутствие: мальчик почему-то притих.

Для обычного подростка это могло означать хорошее настроение родителей и редкую удачу соседей. Для Баламута тишина являлась непозволительной роскошью и почти прямым доказательством подготовки правонарушения.

Вариантов было два: либо он уже что-то натворил, либо только собирался и не хотел отвлекаться на разговоры. Оба требовали наблюдения.

Я сделала пометку в реестре и отправилась к Веславе.

Она выслушала меня без удивления.

— Ты сегодня мальчика видела? — спросила я.

Веслава задумалась.

— Нет.

— Вот именно.

Этого объяснения ей хватило.

Веслава пообещала присмотреть за Баламутом. Формулировка прозвучала спокойно, но где-то вдалеке мне почудил-

ся отголосок захлопнувшейся двери и скрежет воспитательных мер, которые заранее доставали из хранилища.

Мы с Аркадием немного выдохнули. Мальчик был весёлый, поэтому смотреть за ним следовало постоянно.

Заодно я решила поговорить с Веславой о Лилии.

— Ты раньше знала, кто такая Лилия? — спросила я.

Веслава посмотрела на меня с искренним удивлением.

— Совесть-то? Откуда?

— Тогда вспомни нашу первую встречу с красной барышней без лица.

Она всё ещё не понимала, к чему я веду. Пришлось напомнить тот вечер целиком: безликая фигура явилась на учредительное собрание, передала браслет, не договорила предупреждение и растворилась прямо над столом. А Веслава посмотрела на пустое место и сказала, что лишь бы та опять в обморок не слегла. Несколько тысяч лет назад такое уже было: так же напряглась, перестаралась и потом долго лежала. Веслава ещё меняла ей компрессы и злилась не как на богиню, а как на сестру.

К концу пересказа она нахмурилась.

— Говорила, — медленно признала Веслава. — И компрессы помню.

— Значит, ты её знала.

— Не знаю.

Ответ прозвучал настолько честно, что спорить с ним было бессмысленно.

Веслава помнила собственные слова, свои руки, раздражение и чью-то долгую неподвижность. Но не могла сказать, где это происходило, когда и кем тогда была красная барышня без лица. Лилию в её нынешнем облике Веслава до сих пор не узнавала и уверенно назвать её той самой не могла. Вот только мы уже знали, кто скрывался за безликой системной оболочкой, поэтому старый разговор случайным совпадением больше не выглядел.

На этом достоверные сведения закончились. Память Веславы была вычищена местами до блеска, а память Лилии открывалась только теми кусками, которые чужой старый план считал своевременными. Строить из двух повреждённых архивов уверенное заключение было бы непрофессионально.

Поэтому в реестр легла осторожная строка:

«Веслава знала что-то о Совести задолго до нашей встречи. Источник и обстоятельства неизвестны».

Слова «что-то» и «неизвестны» я подчеркнула дважды и решила пока не додумывать.

У нас и без того хватало фактов, которые сначала выглядели фантазией, а потом приходили в кабинет и требовали оформить им должность.

Светлые земли тем временем жили спокойно. Введённый после принятия наследства Энлиля погодный график работал: дождь приходил вовремя, солнца хватало, огороды цвели, поля зеленели, а урожай рос с таким усердием, словно

тоже боялся попасть под проверку нового руководства.

Работал он настолько хорошо, что у нас появилась новая проблема. Последователи начали приносить урожай: сначала понемногу, потом больше, а затем у храмов появились мешки, корзины, связки, кувшины и такое количество овощей, что из них можно было собрать отдельное ополчение.

Мы попросили приносить меньше.

Нам не поверили.

При прежнем хозяине размер подношения напрямую влиял на вероятность пережить следующий сезон. Люди привыкли отдавать столько, сколько могли унести, а затем добавлять ещё немного на случай, если божество умеет считать.

Мы умели.

Именно поэтому смотреть на тонны продуктов, медленно портящихся возле храмов, было особенно больно.

Отказываться от даров резко тоже не стоило. Для жителей это выглядело бы не как забота, а как признак недовольства. Они могли решить, что принесли мало, и удвоить объёмы.

Поэтому мы наладили логистику.

Когда на складах накапливалось достаточно продуктов, часть забирали в аванпост. Там жили переселенцы, работали строители, расширялся гарнизон и имелось множество людей, которые относились к свежей еде с гораздо большим энтузиазмом, чем храмовый пол.

Первые партии я перебрасывала сама. Потом посмотрела

на мешки, на свои обязанности и вспомнила, что у хорошего руководителя не должно быть незаменимых сотрудников, особенно если незаменимым сотрудником снова пытаются назначить самого руководителя.

Полномочия передали Мухе-Секретарю.

Муха оценила объёмы, вызвала Гонца и назначила его ответственным.

Как именно проходил разговор, мы не слышали, зато увидели итог.

Гонец вышел из кабинета с выражением мыши, которая зашла передать письмо, а вышла заведующим межтерриториальным складом.

Он попытался возразить, что вообще-то занимается срочными сообщениями.

Муха объяснила, что накладная тоже является сообщением, особенно если она срочная. На этом возражения закончились.

Рабочие переносили мешки к подготовленным точкам. Гонец проверял ведомости, открывал короткие переходы по энергетическому следу, первым прыгал на склад аванпоста и контролировал приём. Через некоторое время он научился возвращаться обратно ровно к следующей партии, не попадая по дороге в чужие кладовые, спальни и храмовые алтари.

Обычной мышью Гонец, конечно, не был. Он вообще-то числился мёртвым.

Но после того, как мы наполнили его своей новой энерги-

ей, а Муха-Секретарь зачем-то подсунула ему одну из груш, Гонец резко набрал в весе, обзавёлся густой шерстью и стал выглядеть подозрительно живым. Кажется, внутри у него даже застучало сердце.

Хотя последнее могло и показаться. Проверять Гонец не дался, накладную не выпустил и при первой возможности исчез в переходе возле мешка с зерном. Через секунду он отозвался уже со склада аванпоста.

В нашем доме встречались особенности и заметнее.

После истории со скверной защитой мы выстроили уже не по наитию, а по науке. Контуры охватывали особняк, храмы, аванпост, квартиры, капсулы, склады и всё выкупленное имущество, до которого мог дотянуться кто-нибудь с излишним любопытством.

Система работала просто. Если гость приходил с миром, его пропускали. Если пытался ломиться без разрешения, получал по носу. Если запускал в нашу сторону заклинание, проклятие, поводок или другую неприятность, защита аккуратно упаковывала отправление и возвращала владельцу.

С дополнением: в обратном пакете сидела небольшая энергетическая зараза. Сразу нарушитель её не чувствовал, зато потом она находила всё, чем он собирался навредить нам, и начинала методично портить ему жизнь.

Так несколько существ пришли проверить, имеются ли хозяева дома и можно ли грабить имущество в их отсутствие.

Мы прекрасно видели, кто пришёл, когда, откуда и что

именно попытался сделать.

Иногда через некоторое время перед глазами появлялось уведомление:

Поздравляем!

Существо уничтожено вашей силой.

Опыт начислен.

На месте злоумышленника оставался некролог.

Очень удобная форма обратной связи.

После нескольких подобных случаев по окрестностям быстро разошлась новость, что в наши владения без приглашения лучше не заходить, ничего внутрь не бросать и даже недобро думать желательно с безопасного расстояния.

Количество визитов сократилось, и было немного жаль: опыт за отчаянные головы начисляли хороший.

За то время, пока защита разбиралась сначала с первыми желающими, затем со вторыми и ещё несколькими особенно настойчивыми, мне набралось пятнадцать полных уровней. Со сто двадцать первого уровня я поднялась до сто тридцать шестого.

Аркадий Львович находился со мной в одной группе и получал свою долю. С учётом его сто четырнадцатого уровня, коэффициента связанной души и регулярных выходов в реальность ему досталось двенадцать полных уровней и почти девять десятых следующего.

Форс-Мажор дошёл до сто двадцать шестого, а система оставила ему восемьдесят восемь процентов полосы до сто

двадцать седьмого. Округлять в пользу Юриста она не стала: опасалась прецедента.

В остальном ничего интересного не происходило: дома стояли, поля росли, враги самостоятельно превращались в опыт. Всё было хорошо. Даже замечательно.

Тем временем документы на международный доступ к «Пантеону» наконец подписали полностью.

Начало международного бета-теста назначили через месяц.

На само закрытое тестирование отвели ещё около месяца. Только после него собирались открывать массовые международные продажи и проводить полноценный запуск.

Мы были невероятно счастливы. Во-первых, многомесячная работа перестала быть папкой с обещаниями и получила точную дату. Во-вторых, дата находилась достаточно далеко, чтобы успеть подготовиться. В-третьих, достаточно близко, чтобы не успеть подготовиться всё равно.

Начали собирать примерную картину будущих регионов и тех богов, с которыми можно было бы договориться до появления первых иностранных игроков.

Для этого за один стол посадили Веславу, Баламута, Харона, Артемиду и Совесть: пятеро свидетелей, пять повреждённых архивов и одна пачка чистой бумаги.

Совесть усадили обязательно. Если за столом присутствует человек с таким именем, у остальных появляется хотя бы

теоретический шанс ничего важного не утаить.

Мы попросили перечислить, кто за какие земли отвечал раньше, под какими именами появлялся и с кем из сохранившихся богов можно вести переговоры.

Все пятеро уверенно сообщили, что помнят, а потом взяли ручки.

Веслава написала первую букву и остановилась.

Харон вывел название страны, перечитал и зачеркнул, потому что страна оказалась не той.

Артемида трижды начала одно имя и каждый раз получала разное.

Баламут нарисовал крылышки, заявил, что это мнемоническая схема, и отказался объяснять, к какой именно части света она относится.

Совість долго смотрела на пустой лист.

— Я точно знаю, — сказала она.

— Тогда пиши, — предложила я.

— Как только собираюсь записать, перестаю знать.

У остальных происходило то же самое.

Пока говорили о прошлом отвлечённо, воспоминания находились рядом. Стоило попытаться привязать имя к стране, храму или будущему серверу, как знание растворялось. Через несколько минут оно возвращалось с ощущением полной очевидности, а при виде бумаги снова уходило: пришло, ушло, вернулось, спряталось.

К концу второго часа раздражались все, даже Харон.

Баламут предложил записывать наоборот, начиная с последней буквы. Артемида предложила стукнуть его по голове и проверить, не выпадет ли нужное имя через ухо. Веслава сказала, что выпадет не имя. Совесть прикрыла лицо ладонями.

Полезного списка мы так и не получили.

Зато выяснили, что запрет распространяется не на память вообще, а на попытку превратить её в точную карту. Кто-то очень предусмотрительно не хотел, чтобы сведения о старых богах, их территориях и связях существовали целиком в одном доступном документе.

Мы прекратили мучить свидетелей и внесли в план новый пункт:

«Ориентироваться по мере открытия регионов. Всех узнавать на месте».

Для международного проекта формулировка была не лучшей.

Но других нам не выдали.

Пока боги пытались вспомнить зарубежных коллег, в реальности открылась запись в международный бета-тест. Тест был платным в самом прямом смысле: кандидату предстояло попасть в очередь, подтвердить личность, пройти проверку и приобрести капсулу.

При запуске в России первым участникам давали льготные условия. Международное направление можно было открыть так же: скидки, субсидии, красивое слово «ранний до-

ступ» и обещание, что пользователь помогает развивать технологию.

Но технология уже была обкатана, а инвесторы хотели денег. Желательно сразу.

Поэтому для первого набора выделили три тысячи мест, а капсулы предложили по тройной цене.

Нам казалось, что это несколько охладит интерес.

Три тысячи участников набрались примерно за час.

Ещё несколько тысяч человек были готовы заплатить в пять раз больше, лишь бы их добавили вне очереди. Не добавили.

Условия установили жёсткие. Каждая капсула привязывалась к подтверждённым данным участника. Активировать её мог только тот, на кого оформлялись договор, медицинский допуск и место в тесте.

Если кто-то рассчитывал купить оборудование, а затем перепродать его в десять раз дороже, его ожидало короткое знакомство с французским выражением «се ля ви».

У другого человека капсула не работала.

Перекупы начали проверять, можно ли обойти ограничение. Нельзя. Некоторые всё равно купили.

То ли были уверены в собственном таланте, то ли не читали договор, то ли собирались после неудачной перепродажи лично идти в игру и отбивать вложения добычей.

Пожалели они или нет, должны были показать статистика и комментарии после начала бета-теста.

Если, конечно, самые предприимчивые участники не начнут писать их прямо из капсул, установленных посреди склада нераспроданного оборудования.

Имелась ещё одна вещь, о которой я старалась лишний раз не думать.

После нападения первой Ищейки чемоданчик, ампулу и шприц передали на исследование.

Состав проверяли в двух мирах.

В обычной лаборатории изучали жидкость, материал ампулы, следы на игле и всё, что вообще можно было измерить приборами.

В игровом мире за образец взялись специалисты, способные видеть энергию, душу и последствия их насильственного разделения.

Обе лаборатории пришли к одинаковому предварительному выводу: состав был ужасный. На этом точность заканчивалась.

Ни одна сторона пока не могла объяснить, из чего он сделан, каким образом удерживает свойства сразу в двух мирах и что именно произошло бы после полного введения.

Зато и там и там у нас спросили:

— Где вы это взяли?

Подробно отвечать мы не собирались.

Поэтому сообщали, что образец получен при чрезвычайных обстоятельствах, источник недоступен, а исследование

следует продолжить.

Формулировка никому не нравилась, нам тоже.

Но рассказывать посторонним специалистам, что неизвестный маньяк явился одновременно в игровую спальню и реальную квартиру, парализовал божество, пообещал убить, а перед этим развлечься, было ещё хуже.

Мы ждали результатов и старались не трогать закрытый контейнер без необходимости.

Параллельно выяснилось, что нападение оставило ещё одно последствие.

Когда Ищейка разбудил меня сразу в двух телах, а слияние вытащило сознание на обе стороны одновременно, внутри что-то перестроилось. Раньше я могла переходить из мира в мир. Теперь при очень сильном желании получалось не уходить полностью.

Я могла находиться в двух мирах одновременно: физическое тело продолжало жить в реальности, игровое — двигаться, разговаривать и выполнять привычные действия там. Сознание оставалось одним, но внимание можно было переносить.

Если я сосредотачивалась на человеческом мире, настоящей и полностью осознанной чувствовала себя здесь. Игровое тело в это время переходило в режим, который проще всего было назвать ботом. Оно выполняло заранее заданные действия, отвечало на простые вопросы, разбирало знакомые бумаги и не принимало решений, способных закон-

читься войной, свадьбой или новым назначением Баламута.

Если внимание уходило в игру, автоматическим становилось тело в реальности.

Оно могло дойти до кухни, налить воды, сесть, открыть нужный документ и даже поддержать короткий разговор. Но доверять ему подписание договоров, готовку у плиты и общение с людьми, способными заметить неладное, я не собиралась.

Первое время Аркадий Львович не понимал, как это работает. Потом идея ему понравилась: теперь днём я могла быть рядом с ним в реальности, а не исчезать на все часы игровой сессии. Затем он задумался.

— А какая из тебя настоящая? — спросил он.

— Обе.

Ответ ему не понравился.

Пришлось объяснять через фокус внимания, удалённое управление и общий архив. Тело, на котором я сосредоточена, получало весь объём сознания. Второе не превращалось в отдельную личность и не жило своей жизнью. Оно просто выполняло рутинный набор действий, пока я видела происходящее с обеих сторон.

Аркадий выслушал, принял и снова начал радоваться. Ровно до первого полноценного соединения.

У раздельного существования имелась цена.

В каждом теле за время автономной работы накапливались ощущения, разговоры, движения, звуки и мелкие ре-

шения. Когда внимание снова собиралось в одно целое, весь объём событий входил в голову одновременно.

После короткого разделения я отделялась головной болью, после нескольких часов начиналась мигрень, а после долгого дня могла пойти кровь из носа. Организм вспоминал все признаки тяжёлого отравления и настойчиво предлагал обнять фарфорового друга.

Очень душевная встреча двух половин: иногда со слезами, чаще от боли.

Увидев последствия, Аркадий Львович сообщил, что пользоваться новой возможностью мы не будем.

— Совсем?

— Только в очень крайнем случае.

— Насколько крайнем?

— Настолько, чтобы возможная польза была больше, чем кровь из носа, рвота и риск потерять сознание сразу в двух местах.

Возражать было сложно. Я и сама предпочитала не падать в обморок после каждого рабочего дня.

Поэтому режим использовала редко. Иногда оставляла игровое тело выполнять безопасную рутину, когда надоедало безвылазно торчать в том мире. Иногда переносила внимание в реальность, чтобы выпить кофе, поговорить с Аркадием и несколько часов почувствовать себя обычным человеком.

Потом возвращалась, терпела несколько минут боли и

обещала больше так не делать. До следующего раза.

В тот день мой автоматизированный экземпляр находился в игровом кабинете и разбирал отчёты по аванпосту.

Я сидела на реальной кухне с Аркадием Львовичем и пила кофе.

Разделение длилось меньше часа. После соединения ожидалась умеренная боль, минут на пять, поэтому никакого особого риска мы не видели.

Мимо меня прошёл человек. Обычный мужчина в тёмной куртке: не охранник, не сотрудник и не кто-то из наших. Он спокойно пересёк кухню так, словно прекрасно знал дорогу, и направился к стене.

Я повернула голову, Аркадий повернулся следом за мной.

— Что он здесь делает? — спросила я.

— Кто?

Я показала. Мужчина дошёл до стены и исчез: не открыл дверь, не воспользовался переходом, а просто шагнул сквозь бетон и пропал в соседнем помещении.

Я встала и проверила, но за стеной никого не было.

Охрана тоже никого не видела. Контур защиты не срабатывал. На записи были только мы с Аркадием: я внезапно повернула голову и проводила взглядом человека, которого камера не заметила.

Мы решили, что это побочный эффект раздвоения: наложение изображения, остаток игрового восприятия или, в

крайнем случае, предупреждение организма о том, что новую функцию пора выключить.

Примерно через час Аркадий Львович уехал на работу.

Я осталась дома. Два часа разделения ещё не считались опасными: после них ожидалась короткая головная боль, не больше.

Я допила кофе, проверила сообщения, решила, что пора возвращать всё внимание в игру, и потянулась к знакомой линии.

Мимо прошёл ещё один человек. На этот раз женщина.

Она появилась со стороны прихожей, не посмотрела ни на дверь, ни на меня и направилась прямо к той же стене.

Я не стала списывать происходящее на усталость, поднялась и пошла следом. Женщина прошла сквозь стену.

Я остановилась в двух шагах от неё и проверила защиту. Ни тревоги, ни чужой энергии, ни следа перехода. Только пустое помещение по ту сторону.

Я медленно обернулась.

За моей спиной стояли люди: мужчины и женщины, старики и совсем молодые, в современной одежде и в вещах, которые давно вышли из моды.

Они заполняли кухню, коридор и гостиную. Стояли друг за другом так плотно, что за последними уже не было видно стены.

Их была не сотня. Если не тысяча, то очень близко.

Никто не говорил и не двигался. Все до единого смотрели

на меня.

Похоже, приём граждан открылся без моего согласия.

Глава 8. Приём по вопросам перехода

Первым делом я решила вернуться в игру.

Тысяча человек за моей спиной не двигалась, не разговаривала и, судя по всему, не особенно на меня реагировала. Возможно, я действительно видела обычный сбой восприятия из-за наложения двух миров, горячки, переутомления или ещё какой-нибудь медицинской причины, после упоминания которой врач долго смотрит на пациента и очень старается не произносить слово «психиатр».

Главное, не оборачиваться снова. Одного раза мне хватило.

Меня едва не хватил Кондратий. Кондратий оказался не только именем: старое просторечное выражение «Кондратий хватил» означало внезапный удар, паралич и прочие состояния, после которых выяснять отношения с тысячей покойников уже поздно. В моём случае он где-то явно ходил рядом, заглянул в гостиную, оценил очередь и решил пока не вмешиваться.

Я сглотнула, аккуратно поставила чашку на стол и нащупала линию игрового тела.

Переход отозвался привычной болью. В голову разом влетели отчёты, разговоры и движения, которые успел накопить

мой автоматизированный экземпляр. Несколько секунд я сидела, вцепившись пальцами в край стола, затем осторожно открыла глаза.

Кабинет был пуст. На всякий случай я заглянула под стол, проверила пространство за креслом и выдвинула оба нижних ящика. В ящиках лежали бумаги, запасные перья и несколько печатей. Ни одного человека, покойника или особенно крупного глаза там не обнаружилось, и это уже было хорошо.

Я вышла на улицу. Город жил обычной жизнью: рабочие таскали материалы, мёртвые выполняли поручения, демоны старались не попадаться Анне Валерьевне без уважительной причины, а где-то вдалеке звенел металл. Никто не проходил сквозь стены. Никто не стоял молча, уставившись на меня. Всё было привычно, спокойно и настолько нормально, насколько это слово вообще применялось к нашим владениям.

Значит, показалось. А если не показалось, тем более стоило сделать вид, что показалось.

Я внесла режим одновременного управления двумя телами в личный список изобретений, которыми лучше никогда больше не пользоваться. Приписала рядом: «Даже если очень хочется». Затем подумала и добавила ещё одно слово: «Особенно».

На этом вопрос временно закрыли.

Прошло два игровых дня. В реальности как раз наступал

вечер, и я решила провести его с Аркадием Львовичем.

Перед переходом немного помедлила. Потом закрыла глаза, нашла линию и полностью вернула сознание в человеческое тело.

Сначала открыла один глаз: в комнате никого. Затем второй — результат не изменился.

Аркадий уже ждал меня и готовил ужин. На кухне пахло едой, а не камфорой, ладаном, мятой или другими ароматами, которые в нашей жизни давно следовало занести в официальный перечень дурных предзнаменований.

Я обрадовалась нормальному вечеру сильнее, чем нормальные люди радуются отпуску.

Мы поужинали, поговорили о работе, обсудили подготовку международного бета-теста, очередной отчёт младшей группы и подозрительное молчание Баламута. Потом рабочее вопросы закончились. Остались два взрослых человека, законная спальня и несколько часов, содержание которых в служебный протокол не входило.

Через некоторое время мы наконец уснули.

Спать я любила на животе, повернув голову набок и частично уткнувшись лицом в подушку. Именно в таком положении и открыла глаза. Выкрикнуть не получилось.

Сначала я решила, что не проснулась. Подушка стала почти прозрачной, матрас исчез, а прямо подо мной находился огромный красный глаз.

Он смотрел ровно на меня.

Не в мою сторону. Не сквозь меня. Именно на меня.

Зрачок медленно сдвинулся, поймал мой взгляд и начал поворачиваться, словно существо по ту сторону пыталось рассмотреть меня с более удобного угла.

Я закрыла глаза. Такого бреда в моей голове не водилось. Там имелись мёртвые, демоны, налоговые проверки двух миров, божественные наследства и Муха-Секретарь с правом ставить ядовитые печати. Но гигантского красного глаза под матрасом до сегодняшней ночи не было.

Следовательно, при повторной проверке он обязан был исчезнуть.

Я открыла глаза. Глаз остался на месте.

Зрачок остановился и снова уставился прямо на меня.

Стало настолько не по себе, что я осторожно потянулась к Аркадию.

— Ты это видишь? — прошептала я.

Он проснулся мгновенно. Приподнялся, оглядел комнату, затем посмотрел туда, куда смотрела я.

— Что именно?

— Глаз.

— Где?

— Место матраса.

Аркадий перевёл взгляд на кровать. Для него под нами по-прежнему находился самый обычный матрас, купленный после переезда и не замеченный ни в одной попытке межмирового убийства.

— Я ничего не вижу.

Это меня совершенно не успокоило.

Он включил свет, сел и попросил рассказать всё по порядку. Пришлось начать с утреннего мужчины, прошедшего сквозь стену, продолжить женщиной и закончить тысячей молчаливых людей в нашей гостиной.

Аркадий Львович выслушал очень внимательно.

Мне снова захотелось, чтобы он иногда кричал.

— И после этого ты решила, что тебе показалось?

— В игре никого не было.

— Елена.

— Я больше не пользовалась раздвоением.

— Елена.

— Я собиралась рассказать.

— Когда?

— Желательно после того, как всё само пройдёт.

По его лицу стало понятно, что выбранный срок согласования признан неудовлетворительным.

Однако обсуждать мою привычку скрывать мелкие события до превращения их в крупные было некогда. Красный глаз всё ещё находился под кроватью и наблюдал за разговором.

Аркадий предложил немедленно вернуться в игру и спросить Веславу или хотя бы кого-нибудь, кто разбирался в мёртвых лучше нас. Откладывать мы не стали.

Веслава встретила нас в дверях своего храма.

Она зевала, была явно разбужена и смотрела на посетителей так, словно заранее пыталась определить, ради чего двое руководителей явились среди ночи и нельзя ли было при-
слать служебную записку утром.

Потом увидела моё лицо и молча отступила в сторону.

— Заходите.

Нам предложили выпить чего-нибудь тёплого. Не бодрящего, не восстанавливающего резерв, не повышающего сопротивление и не дающего временную защиту от проклятий. Обычного успокаивающего травяного чая.

Веслава поставила перед нами кружки и только после этого спросила:

— Что случилось?

Я рассказала про людей: про тысячу молчаливых фигур, про мужчину и женщину, проходивших сквозь стены, и про огромный красный глаз, который сейчас, возможно, продолжал лежать под нашей кроватью и ждать возвращения хозяйки.

Веслава выслушала, отпила чай и пожала плечами.

— А чего ты хотела?

— Желательно ничего из перечисленного.

— Ты божество подземного мира, — напомнила она. — И некромант. Ваши местные мёртвые тебя нашли.

— В человеческом мире?

— А почему нет?

Вот тут напряглась уже я, а Аркадий напрягся ещё сильнее.

В игровом мире с мёртвыми всё было относительно понятно. Одни являлись поднятыми существами, другие монстрами, третьи сохраняли разум и устраивались в штат. Имелись навыки, уровни, классы, правила упокоения, расщепления и повторного призыва. Даже самые странные случаи рано или поздно можно было занести в ведомость. В реальности интерфейс отсутствовал.

Над покойниками не висели имена, уровни и цвет отношения. Нельзя было открыть описание, посмотреть список сопротивлений и решить, требуется ли человеку упокоение или достаточно выдать пропуск.

— И чего они хотят? — спросила я.

— Того же, чего хотят все мёртвые.

Мы с Аркадием переглянулись, потому что ни один подходящий вариант в голову не пришёл.

— Это чего?

Веслава посмотрела на нас как на детей, впервые обнаруживших, что дверь можно открыть не только ключом, но и ручкой.

— Спросите.

Совет был до обидного логичным.

Пользоваться им немедленно я не собиралась. Перед глазами всё ещё стоял красный глаз, и начинать первое официальное общение с местным загробным миром под его наблю-

дением не хотелось.

До утра оставалось около шести реальных часов, то есть почти полные игровые сутки. Мы решили провести их с пользой: разобрать документы, проверить защиту, закончить текущие распоряжения и не думать о том, что происходило под матрасом. Последнее получалось плохо.

Но к утру я хотя бы перестала вздрагивать каждый раз, когда кто-нибудь смотрел в мою сторону.

Утром Аркадий Львович отправился на работу, а я вернулась в реальность.

Появилась в гостиной, заранее приготовившись увидеть очередь до лифта.

Никого.

Я проверила кухню, коридор и спальню. Заглядывать под кровать не стала. У каждого человека имеются пределы служебного рвения.

Первая половина дня прошла совершенно спокойно. Я выпила кофе, прочитала сообщения, ответила на несколько писем и уже начала подозревать, что ночной визит действительно был последним.

Потом в гостиной появился мужчина. Тот самый, которого я увидела первым.

Он прошёл от прихожей к стене привычным маршрутом, словно занимался этим ежедневно.

— Эй, уважаемый, — позвала я. — Что вы здесь делаете?

Мужчина остановился, медленно повернулся и посмотрел на меня.

— Ты меня видишь?

Теперь удивились оба.

— А что, не должна?

Он некоторое время молча меня рассматривал, затем подошёл ближе.

— Вообще-то нет. Обычно нас никто не видит. Только некоторые странные люди. Медиумы, кажется.

— Кажется?

— Они сами себя так называют.

— И часто вы с ними разговариваете?

Мужчина задумался, явно перебирая не самые удачные встречи.

— Не так, как с тобой. Одни падают без сил в первые минуты. Другие сразу начинают спрашивать про чужих родственников, потерянные вещи и кто кому что не успел сказать. Третьи пугаются сильнее нас. Нормально поговорить редко получается.

Я прикинула своё текущее штатное расписание: божество подземного мира, некромант и женщина, которая видит мёртвых в собственной гостиной и предлагает им соблюдать очередь.

Возможно, по местным меркам это действительно называлось медиумом. Возможно, для моей должности медиум являлся чем-то вроде побочной специализации, выданной без

уведомления и права отказаться.

— Наверное, в каком-то смысле меня можно считать медиумом, — признала я. — А вы что здесь ищете?

— Дверь.

— Какую?

— Ворота. Переход в верхний мир. Называют по-разному.

— А обычным способом пройти нельзя?

— Так это не работает.

Мужчина произнёс это без раздражения. Видимо, вопрос ему задавали не впервые.

— Иногда душа уходит сразу. Иногда находит дорогу позже. А некоторые остаются здесь и не могут отыскать ни вход, ни выход. Ни вниз попасть, ни наверх. Ходят сотни, а то и тысячи лет. Мне повезло, я умер относительно недавно. Пока ищу.

— И все, кого я видела, тоже ищут дверь?

— Скорее всего. Кто-то дверь, кто-то человека, кто-то уже сам не помнит, что именно. Но если они пришли к тебе, значит, решили, что ты можешь помочь.

Новость была сомнительной. С одной стороны, приятно, когда люди верят в твои возможности.

С другой, тысяча покойников являлась слишком большой ответственностью для первого дня приёма.

— Все медиумы знают, что вы ищете?

— Нет. Большинство даже дослушать не успевает. Сил не хватает или страшно. А некоторые слышат только то, что хо-

тят услышать.

Тут Веслава оказалась права. Логика действительно имела: чтобы узнать, зачем пришли мёртвые, достаточно было спросить одного из них.

Я села за стол, ещё немного подумала и на автомате предложила:

— Чаю хотите?

— С радостью. Только сама налей и рядом поставь.

Я взяла чистую кружку, налила чай и поставила перед ним. Мужчина коснулся ручки.

Из обычной кружки отделилась вторая, полупрозрачная. Она повторяла форму первой до последней царапины, но существовала словно на соседнем слое. Вместе с ней отделилась такая же прозрачная порция чая.

Мужчина поднял свой экземпляр, выпил и вернул на место.

Полупрозрачная кружка вошла обратно в настоящую.

Физический чай испортился мгновенно. Ещё секунду назад он был свежим и горячим. Теперь от него пахло так, словно заварку оставили на столе, уехали в отпуск, вернулись через месяц и решили проверить, не настоялась ли.

— Спасибо, — сказал мужчина. — Было очень вкусно.

— Не сомневаюсь.

Пить оставшееся я не стала.

Он поднялся.

— Рад знакомству. Надеюсь, ещё поболтаем.

— Подождите. А остальные? Что мне с ними делать?

— Ничего. Хочешь — разговаривай. Не хочешь — не разговаривай. Они всё равно будут искать.

Понятнее не стало, и я вспомнила красный глаз.

— А огромное красное око под кроватью тоже ищет дверь?

Мужчина перестал улыбаться.

— С такими лучше не связывайся.

— Почему?

— Могут сожрать.

На слове «сожрать» мне поплохело.

— Кого?

— Тебя.

Лучше от этого не стало.

— Что это вообще такое?

— Не знаю точно. Есть те, кто наблюдает за душами, особенно когда они должны прийти в этот мир. Иногда эти глаза выхватывают душу прямо из потока. Забирают энергию, а что остаётся после, я не видел. Если такой тебя заметил, лучше спрятаться. И не пытайся смотреть слишком долго.

— Он уже смотрел на меня.

— Тогда прячься лучше.

Совет отличался простотой и полным отсутствием технической документации.

Я спросила, откуда он всё это знает. Мужчина ответил, что мёртвые разговаривают между собой, а долгие поиски двери

располагают к обмену слухами. Кто-то видел глаза издалека. Кто-то потерял рядом спутника. Кто-то утверждал, что никакого потока не существует. Проверять последнюю версию желающих не находилось.

Значит, передо мной был не специалист, а свидетель, пересказывающий общую технику безопасности.

Впрочем, когда техника безопасности содержит фразу «может сожрать душу», пренебрегать ею не стоит даже без печати и подписи.

На прощание мужчина протянул руку.

Я пожалала её. Пальцы почти не ощущались, только по ладони прошёл лёгкий холод.

Никакого системного сообщения или внезапного эффекта не последовало. Мужчина просто кивнул, прошёл сквозь стену и исчез.

Для первого разговора с покойником всё закончилось подозрительно хорошо.

Я вернулась в игру, появилась в своём кабинете и почти сразу отправилась к Веславе.

Пересказала разговор: мёртвые ищут дверь, называют её воротами в верхний мир, не могут попасть ни наверх, ни вниз и бродят по человеческому миру годами, веками, а некоторые и тысячелетиями. Заодно рассказала про чай и красный глаз, причём последнее Веславе не понравилось.

Но начала она с двери.

— Сервер повредили, — задумчиво сказала она. — Если выход существовал через лабораторию, его могло перекрыть вместе с остальными связями.

— Выход из лаборатории?

— Возможно. Я не уверена.

— Очень обнадеживает.

— Чтобы понять, куда ведёт дверь, сначала надо хотя бы до неё дойти.

С этим спорить было сложно.

Веслава предложила не искать саму дверь вслепую, а найти линию, которая когда-то к ней вела. Я закрыла глаза, потянулась к нитям Тёмного царства и некоторое время перебирала старые связи. Большинство уходило к храмам, людям, служебным переходам и уже знакомым узлам.

Одна линия вела дальше, и мы пошли по ней.

За жилыми землями, храмами и рабочими секторами Тёмного царства начинались чёрные пески. Они лежали неподвижно, без ветра и следов, будто сюда давно никто не приходил. Посреди песков стояла дверь.

Без стены, дома и дороги. Обычный дверной проём, которому забыли построить всё остальное. Полотно было закрыто, ручка не двигалась, а линии вокруг обрывались так, словно кто-то выдернул из схемы целый участок.

— Нашли, — сказала я.

— Одну, — поправила Веслава.

Вторая линия уходила намного выше.

Не в горы и не в небо над нами. Она поднималась через слои мира туда, где начинались светлые владения и совсем другая система дорог. На другом конце стояла ещё одна дверь.

Веслава посмотрела вверх и прищурилась.

— Да ладно. Неужели у крылатых пижонов тоже такая есть?

— Было бы странно, если бы только нам выдали аварийный выход.

— Нам его не выдали. Нам его сломали и бросили в песках.

С этим уточнением пришлось согласиться.

Самое неприятное обнаружилось, когда я попыталась рассмотреть двери внимательнее. Тела я не раздваивала и повторять прежний эксперимент не собиралась. Но каждая дверь существовала сразу в двух слоях.

Один контур находился здесь, в игровом мире, а второй проступал в человеческом.

Они накладывались друг на друга, расходились и снова совпадали, как два плохо сведённых изображения. Похоже, сломаны были не просто игровые проходы. Двери связывали оба мира и могли каким-то образом участвовать в движении душ между ними.

Мы долго рассматривали линии, пока Веслава не спросила:

— Ты ведь рассказывала про воспоминания? Про сломан-

ную лабораторию, закрытый сервер и Хромого, который сидит внутри, копит энергию и надеется однажды выбраться?

— Рассказывала.

— Тогда расскажи ещё раз. Только подробнее. Что именно там не работало?

Я постаралась восстановить увиденное по порядку. Воспоминания были старыми, рваными и местами переведёнными системой так приблизительно, что за каждым знакомым словом могло скрываться совсем другое. Но общая картина сохранилась.

Лаборатория действительно почти не работала. Поток шёл, энергия копилась, а сортировка отсутствовала. Ни чёрные капсулы, ни белые не проходили положенный отсев. И дело было не в одном участке: сортировка не работала ни на одном из так называемых серверов. Какие-то миры были повреждены, какие-то сохранились лучше, однако их выходы сходились в одну сломанную схему и дальше не пропускали ничего.

— Насколько я понимаю, прежние мы всё-таки соединили серверы в общую сеть, — закончила я. — Но прямого доступа между ними сейчас нет. Остались следы, закрытые двери и Хромой, который заразил всё, до чего дотянулся. Он выращивает души, забирает накопленную ими энергию и хочет выбраться не в прежнем теле, а в новом. Сильном, белом и созданном самим сервером.

Веслава медленно кивнула.

— В принципе, логично. Если вы закрыли сервак, а он ещё и заразил всё сверху, ограничения придётся снимать отдельно. Иначе содержимое так и будет ходить внутри по кругу, а он — собирать с него урожай.

— Какой именно урожай?

— Если совсем грубо, человек умирает, и его душа должна уйти на сортировку. Хорошая — к крылатым пижонам. Плохая — к нам.

— Очень научное объяснение.

— Зато понятное, — невозмутимо ответила Веслава. — Но это местное разделение вашего человеческого мира. Здесь сейчас получилась примерно такая же картина. А в нашем старом мире полноценным рабочим ведомством было только подземное царство. Поэтому весь мусор должен был падать вниз и уходить как бракованный.

— А всё светлое возвращалось хозяину системы?

— Нет. Никакому хозяину оно не возвращалось. Если душа развивалась хорошо, её отправляли на добор энергии. При правильном доборе из неё в теории могло получиться божественное дитя. Такое же белое, рождённое самим сервером, как твои брат и сестра.

Теперь схема стала напоминать не загробный мир, а огромный инкубатор с отделом технического контроля. Наверх уходила не плата владельцу, а заготовка, которая успешно прошла первый этап и получила право на дальнейшее развитие.

— А сейчас?

— Сейчас души живут, развиваются и добирают что-то в мире. Энергию, опыт, эмоции — что именно требуется для полного цикла, я не знаю. Хромой даёт душе накопить достаточно, затем высасывает из неё энергию до определённого остаточного уровня и отправляет обратно в мир. Она снова растёт, он снова снимает урожай. И так по кругу.

Причём происходить это могло сразу в двух местах: в этом мире и в человеческом, где я теперь принимала покойников на кухне.

Я снова посмотрела на раздвоенные контуры дверей.

— Тогда серые души, за которыми наблюдает красный глаз, — это что-то неучтённое?

— Похоже на то.

— Неучтённые души.

— В любой организации, где проходят несколько миллиардов человек, обязательно найдётся что-нибудь неучтённое, — философски заметила Веслава. — Даже если организация занимается вечностью, а вместо склада у неё загробный мир.

Тут с ней было трудно спорить. Я встречала предприятия намного меньше, в которых после трёх инвентаризаций находили имущество, не числившееся нигде, и документы на имущество, которого никогда не существовало.

— Со временем такую неучтётку, видимо, отлавливают, — продолжила она. — Что происходит с окончательно забракованными, я не знаю. Остальных, скорее всего, возвра-

щают в общий круг. Красный глаз может быть наблюдателем или ловцом, который собирает тех, кто выпал из движения.

Это оставалось теорией. Неприятной, зато достаточно стройной, чтобы внести её в реестр и не ставить рядом печать «доказано».

— А Скверна, которую мы нашли в данже?

Веслава помрачнела.

— Со Скверной сложнее. Вам очень повезло, что ты успела перерубить связь до того, как она закрыла Павла полностью. Это и есть вирус.

— Мы это уже подозревали.

— Подозревать мало. Его Ищейки и другие приспешники умеют управлять заразой. Они могут точно заражать выбранных людей, а дальше заражённые разносят её сами. Значит, Хромой не просто когда-то испортил систему и теперь сидит внутри последствий. Он до сих пор очень успешно пользуется собственным вирусом.

Неприятное подозрение окончательно превратилось в факт. Скверна в пограничном данже не являлась случайным остатком древней аварии. Это был действующий инструмент, который умели направлять и передавать от одного носителя к другому.

— А двери? — спросила я.

— Нижняя сломана. Верхняя тоже. Обе дwoятся между мирами. Значит, это может быть не две разные двери, а один шлюз, который когда-то выводил поток из заражённого кон-

тура в безопасный сервер.

— Получается, если мы его починим, появится дополнительный сток?

— Для душ.

— Всё прекраснее и прекраснее.

— После сортировки, брака и неучтёнки поздно делать вид, что у нас тут возвышенная религиозная беседа.

С этим тоже пришлось согласиться.

По версии Веславы, одна часть шлюза могла отправлять вниз окончательный брак. Вторая уводила хорошо развившиеся души на добор энергии — выше, в лабораторию или в другой безопасный мир. Если восстановить проход, застрявшие души получают выход, Хромой лишится части своего бесконечного урожая, а нормальный цикл хотя бы теоретически сможет снова создавать белых серверных детей.

Имелась только одна небольшая техническая неприятность. Чинить шлюз, судя по двойному контуру, требовалось с обеих сторон: в игровом мире и в человеческом.

— Возможно, хватит восстановить человеческую половину, — добавила Веслава. — Тогда здешняя подтянется следом. Они отражают друг друга.

— А возможно?

— Возможно, не хватит. Это теория.

Мы обе посмотрели на дверь, молча признавая, насколько широкий выбор бедствий уместается в словах «это теория».

С красным глазом Веслава посоветовала без необходимо-

сти не связываться. Если он появится снова, лучше не смотреть на него, не устраивать рядом приём покойников и не давать понять, насколько хорошо я его вижу. Если удастся разглядеть связь и Архив не потребует немедленно спасаться, можно будет попробовать вывести наблюдателя из строя через его собственную нить.

— Если ударить по нему через связь, тому, кто его отправил, будет сложнее понять, откуда пришёл ответ, — рассудила Веслава. — А следующий наблюдатель может появиться не сразу.

— А может появиться сразу?

— Может. Поэтому сначала смотрим, потом думаем и только после этого рубим. Желательно именно в таком порядке.

Совет был разумным и подозрительно похожим на тот, который мне уже неоднократно давал Аркадий Львович.

С мёртвыми до выяснения обстоятельств тоже следовало разговаривать осторожнее. Если толпа появится одновременно с глазом, приём лучше не открывать. Возможно, без ответа они не привлекут к моей квартире ещё больше внимания. А если это не поможет, я всегда могла полностью уйти в Тёмное царство и временно спрятаться здесь, пока мы не разберёмся с дверями.

Не самое удобное решение, зато лучше, чем проверять на себе, насколько буквально покойник употребил слово «сожрать».

Почему двери закрылись, кто перекрыл линии, что именно должно было проходить через каждую и куда теперь уходили души, мы по-прежнему не знали. Зато появилась рабочая теория и приблизительное понимание, с какой стороны подходить к ремонту.

Чтобы разобраться, предстояло поднять старые схемы, добраться до обеих дверей, проверить человеческие отражения и каким-то образом не попасться красному глазу, который выхватывал души из потока.

Теперь оставалось рассказать обо всём Аркадию Львовичу.

Он наверняка очень обрадуется. Не в обычном человеческом смысле, конечно. В своём, юридическом: спокойно выслушает, задаст несколько особенно точных вопросов и одним взглядом объяснит, что за половину дня я снова нашла приключения на наше общее мягкое место.

Причём на этот раз даже не выходя из квартиры.

Ох, если бы я заранее знала, во сколько бессонных ночей превратится этот вопрос, ни за что бы на него не подписалась.

Но приём по вопросам перехода уже начался.

А закрыть приёмную перед носом у тысячи покойников было как минимум невежливо.

Глава 9. Так приказа же не было

После нашего разговора с Веславой система решила напомнить, что всё это время находилась рядом, внимательно слушала и ждала, пока мы самостоятельно докопаемся до неприятностей подходящего размера.

Перед глазами развернулось окно.

Поздравляем!

Вы нашли ещё одну нить.

Получено новое задание: «Туда, не знаю куда».

Раскройте тайну подземного мира.

Время на принятие задания: 12 игровых часов.

Я перечитала название, потом условие, затем снова название.

Система хотя бы не притворялась, будто понимает, куда именно нас отправляет. Честность похвальная. Особенно со стороны учреждения, которое обычно выдавало половину сведений после завершения задания, вторую половину теряло, а затем поздравляло с тем, что мы всё равно выжили.

Удивляло другое. В последнее время система заметно облезла. Её интерес к нашей жизни сводился к заданиям уровня «разберитесь с грядкой», «проверьте склад» и «поговорите с человеком, который стоит в трёх шагах и машет вам обеими руками». Простые хозяйственные поручения она выдавала охотно. На всё, что касалось двух миров, сломанных

лабораторий, украденных душ и древних богов, предпочитала смотреть с безопасного расстояния.

А тут внезапно не только проснулась, но и выставила таймер: двенадцать игровых часов, то есть три реальных.

Вроде бы достаточно, чтобы принять решение. И совершенно недостаточно, чтобы вызвать всех ответственных, поднять старые документы, провести обследование двух подозрительных дверей и заставить систему объяснить, что она вкладывает в выражение «тайна подземного мира».

Кнопки «Принять» и «Отказаться» висели рядом. Я не нажала ни одну.

— Аркадия дождусь, — сообщила я системе.

Окно промолчало. Таймер уменьшился на одну секунду.

Раньше в сомнительной ситуации можно было найти честное лицо и посоветоваться с Совестью. Теперь Совесть стала обычным игроком, ходила в походы, поднимала уровень и имела полное право не участвовать в каждом нашем совещании только потому, что её имя удачно подходило к вопросу.

Поэтому я написала Аркадию.

«Не хочешь по-быстрому зайти в игру?»

Ответ пришёл почти сразу:

«Что случилось?»

Я посмотрела на две закрытые двери, красный отсвет далёкой линии и системное окно с убывающим временем.

«Нашла задание».

Аркадий Львович не горел желанием бросать работу и

входить в игру среди дня. Особенно после всего, что я успела найти без него за последние несколько часов. Но слова «новое задание», «две двери между мирами» и «таймер» в одном сообщении действовали на него лучше любого срочного вызова.

Появился он быстро. Сначала посмотрел на дверь, потом на вторую линию, уходящую в светлые слои, затем на системное окно и только после этого на меня.

— Условия?

— Раскрыть тайну подземного мира.

— Полные условия?

— Это они и есть.

Он прочитал окно сам и выдохнул.

Я знала этот выдох. Так Аркадий Львович реагировал на договор, в котором имелось название, срок подписания и ни одного внятного обязательства другой стороны.

— То есть нам предлагают найти то, не знаю что, и попасть туда, не знаю куда?

— Зато название задания составлено без недобросовестной рекламы.

Веслава снова изучила окно и пожала плечами.

Мы подумали вдвоём, потом втроём.

Спросили систему, можно ли получить дополнительные сведения.

Система уменьшила таймер ещё на одну секунду.

В конце концов мы пришли к единственному разумному

выводу: если не принять задание сейчас, двери никуда не денутся, мёртвые не перестанут искать выход, красный глаз не станет добрее, а система через некоторое время всё равно заставит нас заняться тем же самым. Только уже без задания, подсказок и возможной награды.

Аркадий Львович ещё раз перечитал формулировку.

— Принимаем.

Я нажала кнопку. Система довольно пикнула.

Задание «Туда, не знаю куда» принято.

Поздравляем!

За обнаружение нового узла и принятие задания вы получаете три уровня.

Участник связанной группы получает три уровня.

Участнику исследования Веславе начислена доля божественной энергии.

Мой сто тридцать шестой уровень превратился в сто тридцать девятый.

Аркадий поднялся со сто двадцать шестого до сто двадцать девятого, сохранив прежние восемьдесят восемь целых тридцать девять сотых процента до следующего уровня.

Система щедро вознаградила нас за то, что мы согласились выполнить работу, о содержании которой она отказалась рассказывать. В человеческом мире это называлось авансом. В нашем случае больше походило на компенсацию за будущий моральный ущерб.

Веслава тоже получила свою часть. По её коже прошла

мягкая золотистая волна, волосы засияли, а воздух вокруг стал плотнее. Она прикрыла глаза, прислушалась к себе и довольно улыбнулась.

— Резерв увеличился.

— Насколько?

— Достаточно.

Она открыла портал.

— Зовите чаще.

С этими словами Веслава отправилась к мужу. То есть к Игорю, он же Царь Севера, он же ещё несколько имён, половину которых мы помнили, а вторую половину предпочитали сверять по реестру, прежде чем произносить вслух.

Через несколько секунд из закрывающегося портала донёсся далёкий набат. Судя по нему, Веслава собиралась проверить увеличившийся резерв сначала на муже, а затем на всей северной армии.

Возможно, именно это она и называла работой. Уточнять мы не стали.

Новая тайна подземного мира не спешила раскрываться только потому, что мы приняли задание. Двери остались закрытыми, линии — повреждёнными, а система перестала отвечать сразу после выдачи награды.

Зато мы уже находились в Тёмном царстве, поэтому решили совместить бесполезное с необходимым и осмотреть хозяйство.

За последнее время здесь многое изменилось. Освобождённые демоны восстанавливались, часть прежнего штата вернулась к работе, Анна Валерьевна методично приводила ведомости в состояние, которое не вызывало у неё желания кого-нибудь подвесить под потолком, а костяные рабочие восстанавливали переходы и помещения.

Мы дошли до тронного зала.

На дворе стояла ночь, хотя в Тёмном царстве это мало на что влияло. Большой зал, в котором при прежнем руководстве устраивали гулянки сомнительного содержания, теперь напоминал обычную столовую. Длинные столы стояли ровными рядами. За ними сидели демоны. Никто никого не ел, не пытал и даже особенно громко не разговаривал.

Обстановка выглядела почти прилично. Сами демоны — немного грустно. Причина обнаружилась в тарелках.

Там лежало нечто бесформенное, серое и по общему виду давно смилившееся со своей судьбой. В кружках находилась густоватая чёрная вода.

Я остановилась возле ближайшего стола.

— Что это?

Демон посмотрел на тарелку.

— Паёк.

— Я вижу, что не праздничный торт. Что именно входит в паёк?

Он снова посмотрел в тарелку, словно надеялся, что за время разговора содержимое успело представиться.

— Еда.

Аркадий Львович взял ложку, осторожно поднял серую массу и позволил ей медленно стечь обратно.

— А где остальное?

— Не положено.

— Почему?

Демон удивился вопросу.

— Мы всегда так живём.

По соседним столам прошёл одобрителный гул. Оказывается, это был не неудачный ужин и не временный паёк на период восстановления.

Так они питались постоянно. Я посмотрела на несколько сотен сотрудников, которых годами кормили непонятной кашей и водой цвета производственной аварии.

На их месте я бы тоже устраивала праздник при первой возможности.

Голодный сотрудник работает плохо. Голодный демон работает ещё хуже. А несколько сотен голодных демонов являются не кадровой проблемой, а готовым бунтом, которому осталось выдать лозунг и показать направление.

Мы это упустили.

Не специально. После приёмки Нижнего мира у нас одновременно появились пропавшие сотрудники, рабские печатки, разрушенные помещения, отдел дознания, чужие сети и такое количество срочных дел, что качество местной каши не вошло даже в первую сотню.

Анна Валерьевна тоже не докладывала. Не потому, что скрывала: она просто не знала, что об этом следует докладывать.

Мы вызвали обоих секретарей и Гонца.

Анна Валерьевна появилась первой. Следом в зал влетела Муха-Секретарь. Последним выкатился Гонец. Именно выкатился.

Полевую мышь он больше не напоминал даже из уважения к собственному прошлому. После нашей энергии, груши, подсунутой Мухой, и назначения заведовать межтерриториальной логистикой Гонец превратился в очень упитанного хомяка с длинным хвостом.

Сразу было видно: сотрудник и работает, и ест.

В отличие от подчинённых, сидевших за столами.

Я посмотрела на Анну Валерьевну. Она посмотрела на меня. Я перевела взгляд на Муху, а та зависла в воздухе и приготовилась записывать.

— Как так получилось?

Секретари переглянулись.

— Так приказа же не было, — объяснила Анна Валерьевна.

— Какого именно?

— Кормить иначе.

Она произнесла это совершенно серьёзно.

— Здесь демоны всю жизнь так жили. Паёк выдаётся, вода выдаётся, с голоду никто не умирает.

Я посмотрела на содержимое ближайшей тарелки.

— Возможно, потому, что они уже в Нижнем мире.

Анна Валерьевна задумалась.

Муха благоразумно промолчала. Питание демонического штата не относилось к её слою компетенции. Её ведомство принимало приказы, ставило печати, организовывало доставку и при необходимости жалило виновных. Определять, можно ли считать серую массу пищей, она не собиралась.

— Теперь часть нормальных продуктов поставляем сюда, — распорядилась я.

— Сюда так сюда, — ответила Анна Валерьевна и щёлкнула пальцами.

Посреди зала появилась гора мешков, корзин, овощей, фруктов и всего, что последние недели жители Светлых земель приносили к храмам с таким усердием, будто пытались накормить сразу весь пантеон.

Демоны оживились. Кто-то в дальнем ряду встал, но под взглядом Анны Валерьевны сел обратно.

Порядок следовало соблюдать даже в присутствии яблок.

Я оглядела зал.

— Кто из демонов умеет хорошо готовить?

Наступила тишина. Демоны посмотрели друг на друга, потом ряды раздвинулись, и вперёд вышла одна демонесса.

Она была таких размеров и настолько убедительной внешности, что сомневаться в её знакомстве с едой не приходи-

лось. Над головой появилась короткая строка:

Демон обжорства.

Вот теперь всё встало на свои места.

Если обжорство, значит, готовить должна уметь.

Кого именно она готовила раньше, уточнять не стали. На один осторожный взгляд в сторону Анны Валерьевны демонесса-повар потупилась и с неожиданной скромностью уставилась в пол.

Иногда ответ лучше не получать.

— Приготовишь что-нибудь из этого? — спросила я.

Демонесса осмотрела продукты, оценила мешки, потрогала один кабачок и виновато развела руками.

— Так у нас это... кухни нормальной нет.

Тут мне стало совсем нехорошо.

Армия имелась. Тронный зал имелся. Отдел дознания был оборудован так, что одного взгляда на инструменты хватало для признания в чужих преступлениях. А кухни не было.

Приёмка Нижнего мира продолжала радовать неожиданными.

На организацию кухни ушёл почти весь игровой день.

Демонов и костяных работников прогнали по нескольким хозяйственным секторам, заставили освободить подходящее помещение, отмыть стены, выскрести полы и вынести всё, что могло испортить аппетит, санитарную проверку или сразу обоих.

Из верхних владений перебросили печи, столы, посуду, котлы, ножи и часть оборудования. Гонец носился между складами, сверял списки и с каждым переходом выглядел всё более круглым. Муха ставила печати на принятых партиях. Анна Валерьевна руководила монтажом так, что даже мёртвые рабочие начинали двигаться быстрее.

К концу дня всё было установлено и чисто, а демонесса обжорства наконец стала похожа на повара.

Цвет её кожи мы решили не обсуждать. Зато уровень гигиены уже радовал, рабочая одежда была чистой, ножи блестящие, а на всех поверхностях не обнаружилось ничего, способного самостоятельно уползти.

Первое блюдо вышло в стиле демонического хоррора. Эстетики не было вообще, красота предпочла не присутствовать. Зато вкус оказался терпимым, продукты узнаваемыми, и после первой ложки никто не умер.

Для начала мы засчитали это как успех.

Однако оставлять новую кухню без профессиональной помощи было опасно. Требовался кто-то, кто хотя бы приблизительно понимал, как должна выглядеть человеческая еда до того, как её съели.

Мы перебрали знакомых и нашли идеальную компанию.

За последнее время Постник и Ювелир неожиданно сошлись на просмотре роликов о кулинарных изысках. Один любил рассуждать о правильной, почти благочестивой пище. Второго интересовали формы, подача, оборудование и воз-

возможность нарисовать механизм, который делает красиво без участия владельца.

Вместе они могли часами смотреть, как кто-то режет овощи, строит сахарные башни и выливает на тарелку три капли соуса, после чего называет результат ужином.

Кроме того, оба в последнее время подозрительно прохладжались и уже начали надеяться, что начальство о них забыло. Надежду следовало пресечь.

Постника и Ювелира командировали в «Филиал Ада и Ко» в качестве временных консультантов по организации питания.

Радость на их лицах невозможно было передать словами. В основном потому, что радости там не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.